

АНАСТАСИЯ
КОБЯКОВА

18+

Я У ТЕБЯ ЕСТЬ

Анастасия Кобякова

Я у тебя есть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63015047

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-03403-7

Аннотация

"За что мне столько испытаний и горя?" Не раз каждый задавал себе подобный вопрос, и Татьяна не исключение. Пережив ужасное горе, она со своим сыном-инвалидом попадает в неизвестный мир, который местные называют Раем. Сама героиня не назвала бы этот негостеприимный мир Раем, но почему он так назван? Это Татьяне только предстоит разгадать. В чужом мире возникает надежда вылечить сына, в осуществлении этой мечты ей вызовется помогать дракон, с которым постепенно сложатся теплые отношения. Героиня не готова к новым отношениям, но, может, со временем её сердце потеплеет?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	23
Глава 3	36
Глава 4	47
Глава 5	64
Глава 6	79
Глава 7	94
Глава 8	113
Глава 9	128
Глава 10	144
Конец ознакомительного фрагмента.	156

Анастасия Кобякова

Я у тебя есть

Пролог

Бойтесь своих желаний – они имеют свойство сбываться.

Михаил Булгаков «Мастер и Маргарита»

Улица окутала меня бодрящей прохладой раннего утра, редкими автомобилями, медленно проезжающим по дороге и приступающими к своим тяжелым трудовым будням дворниками. Яркая оранжевая грузовая машина с огромной бочкой вместо кузова, неторопливо поливала проезжую часть, прибывая летнюю пыль и пыльцу многочисленных цветов.

Шесть часов утра, многие люди только сейчас просыпаются, чтобы вовремя успеть на работу, а я уже бодрым шагом направляюсь к автобусной остановке. Моя смена в гипермаркете начинается в семь утра и каждый раз торопясь, я размышляю зачем так рано, ведь покупателей в это время практически не бывает.

Автобусная остановка замаячила впереди, вырастая полупрозрачной будкой рядом с пешеходным переходом. В ожи-

дании транспорта на ней стояли двое: женщина лет сорока пяти с огромной клетчатой сумкой, оставленной возле ног и сухопарый мужичок, простенько, но очень опрятно одетый, беспрестанно поглядывающий на наручные часы. Я присо-единилась к ним, встав чуть в стороне и вглядываясь вдаль в ожидании появления на горизонте массивной фигуры автобуса. Он не спешил появляться. Я не волновалась, в запасе было ещё целых десять минут, за это время хоть один из трех нужных автобусов обязательно приедет.

Уже совсем скоро наступит осень, осталось всего ничего – пара недель. Я когда-то её очень любила, но это было так давно, кажется, что в прошлой, счастливой жизни. Нынешней осенью будет три года, как моя жизнь разделилась на две части: "до" и "после", эту годовщину совершенно не хочется помнить, но и забыть не получится.

– Извините, – негромко прозвучало рядом со мной.

Я обернулась. Симпатичная молодая девушка с широкой открытой улыбкой выжидающе смотрела на меня.

– Чем я могу помочь? – задала я ей вопрос.

– Подскажите, пожалуйста, сорок третий автобус уже прошёл?

– Нет, – вежливо улыбнулась я, – ещё не проходил, я его сама жду.

– Здорово! Спасибо! А то я думала, что опоздала.

– Не переживайте, ещё есть время.

– Спасибо вам, я очень волнуюсь, сегодня мой первый ра-

бочий день.

– От всей души поздравляю и желаю успеха в работе, – искренне пожелала я незнакомке.

– Вы очень добры! О, смотрите, вот и наш автобус, – просяла она.

Я повернулась к дороге в тот самый момент, когда к остановочному карману уже подруливал изумрудно-зеленый автобус с горящим над лобовым стеклом табло. На нём четко виднелся номер 43, тот самый, нужный и мне, и девушке маршрут.

Автобус остановился и открыл двери. Из него никто не выходил, поэтому мы не мешкая вошли в задние двери. Свободных мест было много, я приглядела себе сидение в середине салона и направилась к нему. Девушка прошла ближе к передним дверям и села на одиночное место. Автобус тронулся, выбираясь на начинающую наполняться автомобилями широкую улицу.

Я отвернулась к окну, дорогу я знала наизусть со всеми остановками, магазинами, домами и даже газонами, но всё равно каждый раз снова и снова на это смотрела. Мне не надоедало, порой я углублялась в свои думы, пока за окном мелькали знакомые городские пейзажи, вот и сейчас я окунулась в прошлое, в мою счастливую отдушину, которая помогает мне бороться и не сдаваться.

До сих пор временами хочется привычно найти теплую руку мужа на колене, сжать ее в своей ладони, и почувство-

вать, что всё будет хорошо. Я иногда забываюсь и протягиваю руку к соседнему сидению, но наталкиваюсь лишь на его пустой холод, в котором нет ни намека на живое тепло. Если бы не сын, то я точно не пережила того страшного дня, того неожиданного звонка от неизвестного абонента, принёсшего ужасную весть. Осень снова сыграла злую шутку, забрав ещё одного дорогого мне человека, а другого, оставив инвалидом.

Первым ушёл отец, он никогда не жаловался на здоровье и никто не мог даже предположить, что его в любой момент может не стать. Мама всегда мне говорила, что со своим хилым здоровьем первая покинет этот мир, но вышло иначе. Она долго привыкала жить без него, крепилась, но выходило плохо. Я сама долго переживала, смерть отца стала невосполнимой потерей в моей жизни, но мне помогла прийти в себя встреча со своим будущим мужем. Он постепенно вывел меня из депрессивного состояния, смог научить вновь радоваться жизни. Мама же отвлеклась от траура только когда впервые взяла на руки моего сына и внука. Это был самый чудесный день для нашей семьи, как жаль, что спокойная семейная жизнь продлилась всего семь лет. Боже, это так мало, они пролетели на одном дыхании, я так много не успела сделать и сказать своему мужу, и теперь уже не смогу никогда ему сказать. Лишь потеряв близкого мы начинаем жалеть о своих неблагоприятных поступках и о недосказанных словах. Многим бы я смогла пожертвовать, чтобы повернуть

события вспять, но увы, вселенная никому не дает такой возможности.

Автобус притормозил на очередной остановке, еще через две будет пора выходить и мне. Сейчас же в двери выходила моя знакомая девушка, она на прощание улыбнулась и махнула рукой. Я кивнула ей в ответ и подмигнула, подбадривая. Водитель закрыл двери автобуса и тронулся дальше по маршруту, я же мысленно готовилась к трудовой смене. Со стороны может показаться, что за кассой стоять проще простого, но на самом деле это не так. Сами попробуйте провести десять часов на ногах и при этом вежливо и располагающе улыбаться, независимо от своего самочувствия и настроения. За годы работы кассиром у меня выработалась привычка носить на лице улыбку. Вы не ослышались, именно носить, как маску или солнцезащитные очки, которые я долгое время после аварии почти не снимала, скрывая за ними заплаканные и опухшие глаза. Я и плакать могла с улыбкой, коллеги говорили, что это страшное зрелище: из глаз текут слезы, а губы продолжают улыбаться, как ни в чём не бывало. Я больше не плачу, нет, душа болеть не перестала, слёзы кончились, высохли, исчезли постепенно, оставив потухший взгляд и постаревшее от горя лицо. Мне несколько месяцев назад исполнилось тридцать три года, но выглядела я гораздо старше. Пользоваться косметикой я бросила давно, в тот самый страшный день, впрочем, как и следить за собой. Я не превратилась в неряху, просто красивые наряды, прически,

каблуки и макияж стали не нужны, не для кого было наводить красоту. Яркие краски в одежде сменили черные и серые тона, больше подходившие к моему состоянию.

Пора подойти к дверям, автобус проехал по мосту над железной дорогой, ещё пара минут и будет на нужной мне остановке. Пройдя к передним дверям, придерживаясь за желтые гладкие поручни, я нажала кнопку, расположенную над дверями, предупреждая водителя о своём желании выйти. Лампочка над кнопкой приветливо загорелась желтым светом, подтверждая, что моё послание принято. К остановке автобус подъехал плавно и мягко, распахнув створки дверей, он выпустил пассажиров на свободу.

Глава 1

Казалось, что на улице потеплело, от мокрого асфальта веяло сыростью и запахом прибитой влагой пыли. Я направилась от автобусной остановки вглубь квартала, идти предстояло совсем немного, за двумя рядами девятиэтажек скрывался мой торговый центр.

Я посмотрела на восходящее солнце и зажмурилась, с удовольствием принимая ласку его теплых лучей и свежесть раннего утра. Впереди меня ожидала долгая смена в наглухо закрытом помещении под искусственным светом больших ламп. Ноги сами несли меня по знакомому маршруту, тихо ступая в мягких туфлях по старому, неровному асфальту. Хорошо без дождя, а то его сырость и монотонность вгоняет меня в ещё большую тоску, чем обычно. Впереди я ясно видела оранжево-белое здание своего гипермаркета. Основные двери магазина в это время закрыты и мы, работники, по одному, а то и по двое стекались к неприметному служебному входу. Я была не исключение. Дверь открывалась с трудом, пришлось приложить усилие, прежде чем она тихо скрипнув послушно поддалась. За ней начинался узкий коридор, выкрашенный коричневой краской, всякий раз проходя по нему, я удивляюсь, кому в голову пришла такая безумная идея. Редкие светильники на потолке, где через одну мигали,

постепенно перегорая лампы, дополняли картину. Хозяева магазина, не скупившиеся на красочное оформление торговых площадей, в то же время скупились даже на самое простое, отказываясь замечать убогость и неприглядность служебных помещений.

Этот гипермаркет можно сравнить с конфетой с сюрпризом, внешне красивый привлекательный фантик, а внутри, под ним, может таиться всё что угодно.

Коридор выводил к раздевалкам, они разделялись на мужские и женские, хоть за это спасибо. Я зашла в свою, предназначенную для кассиров, и плотно прикрыла за собой дверь.

– Привет! – бодро поприветствовала меня коллега по смене.

– Привет, Наташ, – поздоровалась я, – ты сегодня рано.

– Да, – глухо подтвердила она, надевая через голову блузку униформы, – Кирилл меня сегодня подбросил.

– Тогда понятно, – произнесла я, отвернувшись к своему шкафчику, – сегодня должно быть праздник, раз твой муж сподобился подвезти.

– Ты удивишься, – ничуть не обидевшись, сказала она, – но сегодня обычный день, без знаменательных событий.

– Хочется верить, что Кирилл начал путь исправления, – ничуть не веря в свои собственные слова, высказалась я.

– Ты не представляешь, как я счастлива таким переменам! – радостно воскликнула Наталья.

– Очень даже представляю, – отозвалась я, вытаскивая

из шкафчика свою униформу, – порой мне кажется, что я незримо живу вместе с вами.

– Что тут поделаешь, нельзя же все эмоции держать постоянно в себе, – пожала плечами Наталья и отвела глаза.

– Конечно, нельзя, – вздохнула я, мысленно обращаясь к своей ситуации.

Как можно расценить моё собственное положение? Я не делилась с коллегами своими проблемами, держала мысли и переживания при себе, не допускала в свою жизнь чужое мнение и не просила помощи. Это нормально и правильно, ни к чему нагружать окружающих своими жалобами. Только сложность и скорбность моей ситуации всё равно просочилась в стены гипермаркета. Мне пришлось трудно, невыносимо долгое время ощущать на себе сочувствующие взгляды и слышать перешептывание коллег. Спустя почти три года и то, нет-нет да и промелькнет в чьём-то разговоре воспоминание о трагедии. Сотрудники стараются относиться ко мне как ко всем другим, но у них это не особо получается.

– Ты идёшь?

– Да, конечно, – ответила я, захлопнув дверь шкафчика.

На рабочее место запрещалось брать личные вещи, даже телефон был под запретом. Приходилось каждую смену проводить в напряжении и мольбах, надеясь, что ничего серьёзного за это время не случится.

– Таня, ты ещё не проснулась? – услышала я недовольный голос старшего кассира Ларисы.

– Нет-нет, всё нормально, – поторопилась с ответом я.

– Тогда за работу!

– Конечно, – послушно кивнула я, включая кассовый аппарат.

К концу смены я почти не чувствовала ног, вечером в будний день всегда самый большой поток покупателей, но сейчас и он позади. Я сдала кассу и поторопилась к раздевалке, нужно было ещё успеть на автобус.

– Ты домой? – спросила меня Наташка, появившаяся на пороге раздевалки чуть позже меня.

– Да, только в магазин заскочу.

– Давай мы тебя подбросим? – предложила она.

– Не может быть! – воскликнула я, бросив переодеваться, – неужели Кирилл тебя сегодня и с работы заберет?

– Ага, – подтвердила сияющая Наташка, такой счастливой я видела ее крайне редко, – так что, ты с нами?

– С вами, если возьмёте, – не мешкая согласилась я, ради такого случая я и поход в магазин перенесу на завтра, всё равно впереди целых два выходных.

– Вот и правильно, нечего ночью по улицам одной шататься!

– Вот кто бы говорил, ведь самой до сегодняшнего дня приходилось поздно одной возвращаться и ничего, не роптала.

– Так зачем это делать, когда есть вариант лучше? – с хитрой улыбкой посмотрела на меня Наталья.

– Бесспорно. Незачем.

– Пошевеливайся и пошли, уже хочется выйти на свежий воздух.

– Сейчас, – ответила я, быстро заканчивая сборы и запирая свою кабинку.

В автомобилях я езжу редко, после аварии наш минивэн пришлось сдать в утиль, восстановлению он не подлежал. Дорого мы его никогда не страховали, оплачивая по минимуму только обязательную страховку, поэтому и выплат никаких я не получила. На новую машину накопить никак не получается, все сэкономленные средства идут на реабилитацию Славки. Врачи не дают утешительных прогнозов, считая, что без дополнительной операции шансы вернуться к полноценной жизни у него равны нулю. Да мы бы рады сделать такую операцию, только для этого нужна огромная сумма денег и поездка в Германию. Благотворительный фонд пытался помочь собрать для нас эту сумму, но за два года не накопилось и половины необходимых средств. А время идёт, сын растёт, его кости становятся прочнее, что уменьшает шансы благополучного исхода операции, если даже нам удастся её сделать через несколько лет.

А сын у меня молодец, рассуждает совсем по взрослому, хотя ему всего лишь десять лет. Именно он стал для меня основной поддержкой и смыслом жизни. Несмотря на свой тяжёлый недуг, он не унывает, шутит и ободряет. Когда моя тоска становится совсем невыносимой, он сразу это чувству-

ет, берёт моё лицо своими худенькими руками и, глядя прямо в мои глаза шепчет:

– Я у тебя есть.

Эта простая фраза наполняет меня новыми силами, толкающими жить дальше и бороться. Мне иной раз кажется, что из нас двоих Славик гораздо мудрее и старше. Хотя я его мать, а не наоборот. Не могу даже представить, что со мной бы стало, если в аварии погибли бы оба моих родных человека.

– Тань, ты уснула? Мы уже приехали!

– А, да, прости, я задумалась, – спохватилась я, открывая дверь машины, – спасибо, что подвезли!

– Не за что, хороших выходных!

– И вам ребята, – пожелала я, закрывая дверь.

Машина осторожно тронулась, напоследок моргнув мне красными огнями стоп-сигналов. Я глубоко вдохнула свежесть ночного воздуха, развернулась и быстрым шагом пошла вглубь квартала к призывно горящему редкими окнами дому. Своему дому, хранящему внутри тепло и уют родных сердец.

В квартиру я кралась как мышка, боясь разбудить сына и маму, они должны давно и крепко спать. После смерти мужа, мама переехала жить к нам, боясь, что я с собой что-нибудь сделаю. Но в тот момент мне было не до того, не было времени упиваться собственным горем. Мой сын после аварии находился в коме и врачи как могли, боролись за его жизнь.

Он лежал на больничной кровати, с трубкой в горле, опутанный сетью проводов. Такой маленький, бледный и недвижимый. Любая мать меня поймёт и не осудит. Как бы я сильно не любила своего мужа, сын всегда стоял на первом месте. С самого первого момента появления в нашей жизни Славика мой мир перевернулся. Он стал главной целью существования, я всё возможное делала для его комфорта и здоровья. Моё сердце обливалось кровью при виде, ещё совсем недавно веселого и активного сына. Мужа мне не хватало, да что тут говорить, до сих пор не хватает. Его чуткую заботу и поддержку невозможно ничем заменить. Это Наталья со своим мужем живёт как на вулкане, мы же с Денисом все восемь лет – душа в душу. Восемь лет – это так мало, за этот срок я не успела много сказать мужу. Зато теперь годы замедлились, есть время подумать и поговорить, но вот уже не с кем...

В доме не горел свет, и вкусно пахло выпечкой. Мама опять баловала Славку булочками или пирогами, – подумала я и улыбнулась. Скинув обувь и примостив на тумбочку сумку, я на цыпочках прошла на кухню, надеясь поживиться там чем-нибудь вкусненьким. Наощупь нашла цепочку ночника и, дёрнув за неё, зажгла свет. Повесить ночник на кухне очень давно придумал Денис, я часто прихожу с работы в темное время суток. С тех пор от меня стало меньше проблем домочадцам.

Каждая мелочь в доме напоминает о муже, мне советовали поменять квартиру, как обычно делают при подобных об-

стоятельствах. Но я не могу и не хочу предавать память о муже, пусть я вновь и вновь живу прошлыми счастливыми моментами. Пусть так, но мне так лучше, легче.

Кажется, что муж не умер, а просто на несколько дней уехал в командировку. Разумом я понимаю, что это заблуждение, но вот душа не желает с ним соглашаться. Она живёт в кусочке прошлого, поставленного на вечный повтор, и никак не хочет возвращаться в реальную жизнь.

Не однократно пытались мужчины завести со мной отношения, но мне это не нужно, у меня уже есть муж, и не важно, что физически он не рядом, главное он живёт в моем сердце, и больше не для кого из мужчин там нет места. Мама настаивает, говорит, что я ещё молода, и в 34 можно обрести своё счастье, но я с ней не согласна. У меня счастье уже было, другого быть и не может.

Пироги, накрытые вышитым вафельным полотенчиком, стояли на столе, призывно маня сладким ароматом. Мама у меня рукодельница, любит вязать, печь, вышивать и что-нибудь мастерить. Она надеялась, что и я пойду по её стопам, но нет, я пошла в папу и кропотливая усидчивая работа меня не соблазняет. Включив электрический чайник, я достала с полки свою любимую кружку, намереваясь налить себе чаю. Изначально этих кружек было две – одна белая, а другая красная, они выполнены в форме сердец, идеально подходящих друг к другу. Я эти кружки подарила нам с Денисом на первый совместный день Святого Валентина, с тех пор мы

только из них и пили, муж из красной, а я из белой. Через месяц после трагедии я случайно разбила кружку мужа и долго горевала сидя над осколками. Мама сказала, что это Денис с того света подаёт мне знак, он просит, чтобы я перестала убиваться и отпустила его. Но я не могу его отпустить, мне нужно чувствовать его незримое присутствие рядом всегда и везде, иначе одиночество как болото начинает засасывать меня в свою жуткую трясиину.

Чайник вскипел, и я заварила себе чёрного чая. Удобно устроившись на кухонном табурете, я успела только надкусить первый пирожок с вишней, когда в дверях появилась заспанная мама.

– Я тебя разбудила? – поинтересовалась я шёпотом.

– Нет, – так же тихо ответила она, – не спится, сердце поднывает с самого вечера, вот пришла валокордин накапать.

– Мам, у меня завтра выходной, давай ты с самого утра поедешь в больницу, пусть там проверят, что с тобой?

– Да пустяки всё это, не беспокойся. Нервничаю много, вот и сказывается, поболит да отпустит.

– Мама, ты как маленькая! Мне тебя вести за ручку? Так сама знаешь, Славика одного не оставить.

– Не нужно никуда меня вести, всё со мной нормально, – продолжала упрячиться мама, отыскав в аптечке валокордин.

– Как сегодня Славик? – перевела я тему, не хотелось доводить дело до ссоры.

Мою маму невозможно переупрямить, не зря же она по гороскопу овен.

– Всё хорошо, репетиторы приходили и по компьютеру он занимался. Ему нравится учиться, в школу очень просится, а как ему объяснить, что дети жестоки и ему там будет плохо?

– Так прямо и говорить, он мальчик смысленый, развит не по годам, – ответила я, дожевав пирожок.

– Рано, дочка, ты его во взрослые записала, он совсем ещё ребёнок, многого в жизни не понимает.

– Ему за свои десять лет пришлось пройти через столько, что не каждому взрослому по плечу. А ты погляди на него, он не смотря ни на какие испытания продолжает оставаться жизнерадостным, добрым и любящим. Он точно такой же, как и был раньше, он сумел пережить, приспособиться к тому, что ноги его больше не слушаются. Это мы, взрослые, жалеем его, упиваясь собственными чувствами, а он живёт, каждый день находя для себя смысл и радость в самом простом и обыденном.

– Но это не значит, что у ребёнка не должно быть детства. Ты права, беззаботным оно давно перестало быть, но это не лишает Славика возможности совершать детские шалости и бездумные поступки.

– Ох, мама, я была бы счастлива, не случись бы того, чего никому не изменить. Но нам нужно жить с этим, бороться, пытаться восстановить Славика надо. Для меня это сейчас наипервейшая цель и задача. Я неплохо получаю в супермар-

кете, но этого хватает только на поддержание мышечного тонуса Славика, на операцию никак отложить не получается.

—А как же фонд? Они отказались дальше помогать?

—Нет, мама, они не отказываются. Получается, люди охотнее помогают совсем крошкам, а Славика таким давно не назовешь. И винить людей в черствости и жестокости у меня язык не повернется, ведь я сама много лет не обращала внимания на чужие беды, надеясь, что кто-то другой поможет. А по сути, совсем не сложно было отдать хоть сто рублей в помощь нуждающимся, не последние ведь, в конце концов. А теперь и я оказалась в положении просительницы, как бы сильно я не противилась этому.

—Не переживай дочка, всё образуется. Бог даст и у нас получится, я хочу успеть дожить до момента, когда Славик встанет на ноги.

—Мама! Ну, что ты такое говоришь! Ты ещё на его свадьбе попляшешь.

—Хорошо бы, — необычно спокойно и быстро согласилась со мной она.

—Уже поздно, я пойду, прилягу, а то Славик встанет ни свет не заря, — устало сказала мама и чуть сгорбившись, пошла прочь из кухни.

—Хорошо, мама, я тоже скоро лягу, — мой шепот полетел ей в спину, но она не обернулась, продолжая неспешно идти по длинному коридору.

За последние годы мама сильно сдала, я за своими про-

блемами и горестями упустила этот момент, не заметила, как она из цветущей женщины превратилась в настоящую старушку. С моей стороны эгоистично считать, что пережитые трудности и потери сказались только на мне, не затронув при этом близких. Да и я сама, положив руку на сердце, не могу похвастаться былой молодостью и красотой. Мои шикарные золотисто-каштановые кудри постепенно выгорели и поредели, черные как смоль глаза потеряли юношеский задор и весёлый блеск. Каждый день прибавляет на лице новых морщинок, они пока ещё не сильно бросаются в глаза, но, тем не менее, они есть. Пухлые губы, которые сильно любил муж, стали не такие свежие и яркие, как в молодости. Я почти не смотрелась в зеркало, мне не нравилось, что оно показывает, в нём отражалась уставшая, не видящая ничего хорошего женщина, годам ближе к пятидесяти. Но ведь это совершенно не я!

Я потрясла головой, стремясь выйти из задумчивости, у меня почти получилось. Мысли, они как мухи, жужжат и летают в голове постоянно, главное не дать им приземлиться и соединиться с разумом, тогда можно считать, что ты ни о чём не думаешь.

Допив чай и ополоснув за собой кружку, я отправилась спать. По дороге заглянула в комнату к сыну, мой ангелочек мирно спал, подложив обе ладошки под щёчку. Я пару минут постояла, полюбовавшись на его светлую головку, а потом продолжила путь в свою спальню, где так одиноко спать на

большой кровати.

Глава 2

Проснулась я резко, будто от толчка. Меня звал сын. Открыв глаза, я осознала, что уже рассвело. В первый выходной домочадцы старались меня не будить рано, заботились. Но сегодня было что-то не так, сын продолжал меня звать, похоже я крепко спала и не сразу проснулась. Я поторопилась к сыну, недоумеваю, почему мама не пришла первой.

– Сынок, сынок, я уже иду, – крикнула я, накидывая халат и обувая домашние тапочки.

– Мама, почему бабушка не пришла? – взволновано спросил Славик, едва я появилась на пороге его комнаты.

– Пока не знаю, может, крепко спит, а может в магазин убежала с самого утра, давай-ка я тебе помогу одеться и сходить в туалет, потом посажу в коляску.

– Хорошо, мама, – безоговорочно согласился сын.

На всё про всё ушло примерно с полчаса, посадив сына в ожидании завтрака за книжку, я направилась искать маму. Подойдя к входной двери, я отметила, что обувь, сумка и одежда её была на месте. Ещё ни о чём не подозревая я приоткрыла дверь в её комнату и заглянула вовнутрь. Мама мирно спала на диване, раскинув в стороны руки, одна из них свешивалась с края дивана. Лицо совершенно расслаблено, даже несколько умиротворено. Видимо, крепко спит,

раз не услышала внука, решила я, но разбудить уже пора, а то она потом сама будет мне за это выговаривать.

—Мама, просыпайся, уже утро, — негромко позвала я.

В ответ же не было никакой реакции, она не проснулась и даже не пошевелилась.

—Ма-а-а-м, — позвала я ещё раз чуть погромче, — Славик давно встал!

И опять ничего.

—Мам, вставай, уже совсем не смешно, склонилась я над ней и взялась за её руку, чтобы тут же вздрогнув всем телом отшатнуться назад.

Жуткое осознание лавиной обрушилось на мой мозг, рука мамы оказалась холодной как лёд и безжизненной. Дальнейшее проходило, словно во сне: полиция, врачи, черный пакет, носилки и катафалк. Я не в первый раз столкнулась так близко со смертью, но в первый раз это была мама. Я не плакала, не могла, слёзы закончились ещё пару лет назад. Я мысленно прокручивала наш вчерашний разговор и винила себя за невнимательность и чёрствость. Вот что мне стоило вчера настоять на своём и вызвать скорую? Так нет, понадеялась на авось и пустила всё на самотёк. Мама умерла во сне от инфаркта, её можно было спасти, если бы вечером я обратилась к врачу. Я виновата, именно я не досмотрела и не помогла.

Душа болела от осознания, что мамы больше нет, и никогда не будет, Славик несколько дней тихо плакал, уткнув-

шишь лицом в подушку, он очень любил свою бабушку. Чем я могла ему помочь? Бабушку я не в силах вернуть, а несправедливость нашего мира сын давно и прочно осознал. На работе я взяла положенные пять дней на похороны, а после, не выходя на работу, оформила очередной отпуск на три недели, надеясь за это время хоть немного прийти в себя и найти сиделку для сына.

После похорон стало совсем невыносимо, их организация отвлекала от тяжёлых дум, а теперь они навалились с новой силой. Ища спасение, мы со Славиком подолгу гуляли, нам не хотелось возвращаться в пустой и холодный дом, в котором больше не пахло пирогами и мятным чаем. Вместе с мамой из него ушёл неповторимый уют и душевное тепло. Она для нас являлась чем-то необходимым, невидимым, но всеобъемлющим как воздух. Без неё стало трудно дышать и невыносимо жить.

Я задавалась вполне закономерным вопросом: за что высшие силы посылают на мою голову столько испытаний? Почему они лишают меня всех родных и близких? Чем я за свою короткую жизнь успела их разгневать? Многие не верят в высших существ, силы и даже богов, но лично я верила. Не можем же мы жить просто так, без смысла? Некоторые со мной поспорят, считая смыслом жизни продолжение рода, но это нелогично, нелогично жить только ради того, чтобы бесконечно плодить себе подобных.

После смерти отца я пыталась себя подготовить к тому,

что в какой-то момент я потеряю и маму. Но как бы я не пыталась, к этому невозможно подготовиться, невозможно смириться и как ни в чем не бывало продолжать жить. С каждой новой смертью у меня погибало что-то внутри, что-то очень важное и необходимое, без чего трудно себя считать полноценной личностью. Со мной неизменно остаётся только память, она не может заменить человека, но это лучше чем ничего. Со временем плохое забывается, оставляя лишь счастливые и светлые моменты. Плохое не стирается из памяти, нет, оно прячется глубоко и стоит значительного труда до него докопаться.

В целом огромном мире, населённом миллиардами людей, мы остались только вдвоём. Два маленьких человека среди безбрежного людского моря. Как нам выжить и не утонуть в нём? Не слиться с серой безликой массой, способной подмять и поглотить ослабевшую особь. В обществе действуют те же принципы естественного отбора, лишь переложённые на искусственную среду обитания.

Славик перенес смерть бабушки легче меня, он уже успел близко познакомиться с этой старухой с косой, посмотрел ей в глаза и перестал бояться. Он утешал меня, утверждая, что умирать совсем не страшно, страшнее испытывать постоянную и изматывающую боль. Я и сама понимала, лучше всего уйти из жизни так, тихо и во сне, чем каждодневно мучиться не только физической болью, но и осознанием, что ты медленно, но верно умираешь. В такой ситуации сложно сказать

кому хуже, тому, кто умирает или тем, кто всё это время находится рядом.

Нужно было искать Славику сиделку, но у меня на это не было никаких сил, и я день ото дня откладывала поиски. Дни отпуска таяли, будто фруктовый зефир на солнце, а меня все не отпускала боль и тоска, от одной только мысли о выходе на работу опускались руки, и накатывала усталость. Я во второй раз не переживу жалостливые и сочувствующие взгляды коллег. Неужели они не понимают, что от этого мне становится только хуже! Разве так сложно сделать вид, что ничего не произошло и продолжить относиться ко мне как обычно. Я не прошу у них ни жалости, ни сочувствия, мне от них этого не нужно. Я сама справлюсь со своим горем, точнее мы вдвоём с сыном справимся, переживём и будем жить дальше.

После трёх дней непрерывных дождей мы дождались-таки тёплой и солнечной погоды. Сегодня мы идём гулять. Три дня проведенные взаперти в квартире, где всё напоминало о недавней трагедии, показались мне сущим адом. У Славики хоть была отдушина – компьютер, он там играл в игры и общался с людьми. Не нужно меня осуждать за это, не могу я запретить ребёнку долго сидеть за компьютером – это его единственное "окно в мир", там он такой же как все, без ярлыков, чужой жалости и ограниченных возможностей.

Впереди холодная и долгая зима, в это время инвалиду не погуляешь, вот и придется ему до самой весны сидеть дома, разглядывая улицу в окно. В прошлую зиму Славик несколь-

ко раз просил меня принести с улицы снег, говоря, что не хочет забыть какой он холодный и мокрый. Мы даже слепили с ним маленькую снежную бабу, её я поставила за окно и она до самой весны радовала глаз.

В нашем доме в каждом подъезде были установлены пандусы, я их наличие радовалась как ребёнок, мне не приходилось, как знакомым мамочкам, таскать на себе детскую коляску всякий раз как захочется погулять. В то время я и предположить не могла, что придётся использовать пандусы по прямому назначению.

– Мама, ну пойдём уже, сколько можно собираться! – вырвал меня из очередной задумчивости Славик.

– Да-да, уже иду, – ответила я сыну из спальни, на ходу натягивая чёрную футболку.

– Мама ты опять? – возмутился глядя на меня сын.

– Что опять? – не поняла я, разглядывая себя в зеркало.

– Опять ты так некрасиво оделась! Я не хочу, чтобы ты выглядела как черная ведьма. Будь такой же красивой как чужие мамы!

Я под другим углом взглянула на своё отражение, должно быть я дошла почти до последней точки своего падения, раз даже десятилетний ребенок говорит мне, что я плохо выгляжу. Надо меняться, не ради себя, мне и в таком виде комфортно, а ради Славика, совсем не хочется, чтобы он стал стесняться собственной матери.

– Я сейчас, – только и сказала я сыну, возвращаясь в

спальню.

Там распахнув дверцы шкафа, я принялась снимать вешалки с платьями, они остались ещё с давних времен, времен, где я ощущала себя счастливой. Я их сто лет не надевала, повесила в самый дальний угол и забыла, возможно, удастся сейчас отыскать в них хоть одно платье подходящее случаю. Красное, коралловое, жёлтое и голубое – я тут же вернула на место, не готова я ещё надевать такие открытые и яркие наряды. За ними последовали ещё три платья, совершенно не подходившие для прогулки. На кровати осталось всего два наряда, один – белый многослойный сарафан на тонких лямках, другой – черное платье с выбитыми крупными красно-коричневыми цветами. Белое – слишком летнее, а черное, не покажется ли мрачным? Для начала меня оно бы больше устроило, закрытое и длинное. Времени на раздумья не было, пришлось принимать решение быстро. Отправив белый сарафан обратно в одежные дебри, я закрыла дверцы шкафа, тем самым отрезая себе путь назад.

Переодевшись, я вновь встала перед зеркалом. Фигура совсем ещё ничего – стройная, платье хорошо подчеркнуло узкую талию и смягчило широкие бёдра. Но вот собранные на затылке в неопрятный пучок волосы портили всю картину. Медленно я подняла руку и, ухватившись за резинку, скрепляющую причёску, потихоньку за неё потянула. Волосы мягкой волной рассыпались по плечам, груди и спине. Я на автомате взяла расческу и стала водить ею по волосам, затем

руки сами потянулись к заброшенной косметичке. В ней я отыскала помаду и тушь. Дрожащими руками я кое-как на-красила ресницы, а потом и губы. Любоваться собой не по-лучалось, морщинки и мешки под глазами не скроешь, а про-тусклый взгляд вообще молчу. Но это всё ради сына, поэто-му я смело вышла к нему.

—Вау! – обрадованно воскликнул Славик, – я хочу, чтобы ты всегда так одевалась, в платье ты особенно красивая!

—Спасибо сынок, я постараюсь, – слегка улыбнулась я, – тепер ь поехали!

—Поехали! – на подъеме настроения воскликнул Славик.

Выйдя из подъезда, мы зажмурились, как котята от яркого солнечного света, окутавшего нас своим постепенно уходя-щим теплом. На улице в рабочий день жизнь текла нетороп-ливо и вяло, редкие прохожие никуда не спешили, медленно прогуливаясь, как мы или брели с полными сумками из ма-газина. Город наш всюду хвастался ещё зелеными красками листвы и травы, ухоженными цветниками и совсем недавно аккуратно подстриженными газонами. В воздухе витал при-ятный запах свежескошенной травы, так и хотелось его вдох-нуть поглубже.

– Куда мы сегодня с тобой отправимся? – тихонько спро-сила я сына, наклонившись к его уху.

– В парк! Мы давно там не были, а мне хочется сахарной ваты и мороженого.

– Хорошо, – не раздумывая согласилась я.

До парка было совсем недалеко, минут двадцать неторопливым шагом, зато там было небольшое озеро, пусть искусственное, но зато с лебедями. По пути я зарулила в небольшой магазинчик купить для птиц хлеба. Славик остался ждать меня снаружи, к сожалению, магазины редко когда доступны для проезда инвалидных колясок.

Хлеб был ещё тёплым и хрустящим, от его умопомрачительного аромата снова захотелось есть, и мы с сыном несколько не стесняясь, шли по улице жуя отламываемый прямо от булки белый хлеб. Но не волнуйтесь, лебедям оставили.

Мы давно привыкли к косым, любопытным и полным жалости взглядам, старались на них никак не реагировать и не обращать внимание. Не важно, что о нас думают другие, главное нам сейчас хорошо и свободно. Мы никому не мешаем жить, так пусть никто не лезет в нашу жизнь и в наши души.

Ворота городского парка приглашали посетителей погулять по своим аллеям, высокая кованая изгородь местами выглядывала из-под вольготно разросшегося выюнка, сливаясь с самой природой. В парке своя особая атмосфера, в нём слышен шум проезжающих машин и пение птиц, как ни в чём не бывало снующих повсюду.

Вездесущие голуби немедленно окружили нас, выпрашивая крошек. Пройти мимо мы не могли, Славик с удовольствием кормил птиц прямо с рук, они безбоязненно призем-

лялись на его худенькую ладошку полакомиться угощением. А он внимательно заглядывал в их глаза, будто хотел прочесть их мысли.

– У голубей нет мыслей, – хохотнула я, – лишь только инстинкты.

– Откуда ты знаешь? – хитро прищутив глаза, спросил Славик.

– Это наука сынок, учёные всё давно проверили и провели исследование.

– А по-моему они ошибаются! Невозможно научными штуками залезть в голову и узнать думает голубь или нет.

– А как тогда можно узнать, если не наукой?

– Через глаза, – серьёзно и уверенно заявил Славик.

– Как так?

– Мама, да всё просто, нужно внимательно взглядеться в глаза и на их дне будут мелькать золотые искорки и молнии – это и есть мысли. Я пока не могу их прочесть, но мне очень хочется научиться это делать.

Я попыталась сделать так, как сказал сын, но ничего кроме радужки и чёрного пятна зрачка не увидела. Ну и ладно, – подумала я, – фантазировать это же совсем не плохо.

– Ты лебедям оставишь хоть чуть-чуть? – шутливо поинтересовалась я.

– Немного оставлю, но голубей кормить интереснее, они на руки садятся, а лебедя даже не погладишь, – с затаенной грустью сказал сын.

– Для тебя так важно погладить лебедя?

– Мне нужно узнать какие у лебедя перья на ощупь: мягкие или жёсткие. Мам, а ты хоть раз гладила лебедя?

– Лебедя нет, а вот гуся приходилось, и знаешь, – перешла я на шёпот, – думаю у лебедя перья такие же, как и у гуся.

– Почему ты так думаешь? – тихо спросил сын.

– Они же оба водоплавающие, наверняка им нужны особые перья чтобы не утонуть, и не замёрзнуть в холодной воде.

– Вот бы их потрогать, – мечтательно проговорил Славик.

– Это я тебе как-нибудь организую, – пообещала я, – но только не сегодня.

– Договорились! – обрадовался сын, – поехали уже смотреть лебедей.

– Поедем, но мне так хочется фисташкового мороженого, может сначала к киоску?

– А я хочу клубничное, шоколадное и ананасовое.

– Ты не лопнешь, сладкоежка моя?

– Не-е-е-е-т, это невозможно, я же бездонный, так всегда бабушка говорит... говорила...

– Не расстраивайся, бабушка нас с неба видит и охраняет.

– Почему тогда мы её не видим?

– У нее больше нет тела, зато теперь она может превращаться в облачко и ветерок.

– Облака мы же видим!

– Да, но не понимаем, какое облако кем является. У нас на

небе и папа, и дедушка, все на нас смотрят. Где нам понять кто из них кто, если они не говорят?

– Наверное, они говорят, просто мы не слышим, – задумчиво сказал сын.

– Всё может быть, этого точно никто не скажет.

– Даже наука?

– Тем более наука, учёные в это не верят.

– Почему?

– Наука – это штука точная, она не терпит того, чего нельзя доказать экспериментами, а наличие жизни после смерти никак не докажешь.

– Но я не понимаю, откуда ты тогда знаешь, что она есть?

Я вздохнула, посмотрела на безоблачное небо и ответила, – это так же, как ты знаешь, что голуби умеют думать, просто чувствую и всё.

– Мы с тобой оба ненаучные, – сделал свой вывод Славик.

– Мы с тобой семья, а это значит, что мы с тобой во многом похожи, а если в чем-то различаемся, то это совсем не важно, главное, что у тебя есть я.

– А у тебя я.

– Правильно, – улыбнулась я, целуя и обнимая сына, – мы есть друг у друга, и в этом наша с тобой сила.

– Твоя сила, от меня толку нет никакого, я так, только обуза.

– Ты ошибаешься! – воскликнула я, присаживаясь перед сыном на корточки и прямо глядя в его глаза, – запомни раз

и навсегда – ты мой любимый сын, мой свет и моя награда, не обуза и не тяжелая ноша. Я счастлива, что у меня есть ты, Славик, именно ты и такой, какой есть. Я буду любить тебя всегда, и не смотря ни на что.

– Я всегда буду тебя защищать!

– Спасибо, сынок, мне очень важно это знать. А теперь вперед за мороженым!

– Ура!!! – кричал Славик, а я бежала, путаясь ногами в подоле платья и толкая впереди себя коляску.

Аллея пустовала, а я все бежала, хотелось истратить силы до полного изнеможения, до боли в боку и дрожащих ног. Лицо покраснелось, дыхание вырывалось со свистом, но я продолжала свой бессмысленный забег.

Глава 3

Он появился неожиданно, просто возник за очередным поворотом. Кто он? Не знаю, но похож на китайца в национальных блестящих одеждах, на которых красуется длинный золотой дракон. Голову покрывала шляпа, выполненная в виде широкого конуса, из под неё свешивалась чёрная, с небольшим налетом седины, коса.

– Приветствую тебя, о прекраснейшая из женщин, и тебя молодой воин света.

– Здравствуйте, – в разной манере ответили мы.

– У вас есть заветные желания? – спросил незнакомец.

– Конечно, есть! – воскликнул Славик, – я хо...

– Ты разве не знаешь? – прервал его мужчина, – заветные желания нельзя никому говорить, иначе не сбудутся!

– Это всё суеверия! – отмахнулся сын.

– Не-е-е-т, ни одно суеверие не зарождается на пустом месте. Не стоит отмахиваться от того, чего не понимаешь, – возразил незнакомец, а я напряглась.

– Хорошо, мы поняли, – попыталась я пройти дальше.

– Не торопитесь, у меня для вас есть печенье желаний.

– Насколько я помню, оно всегда было печеньем с предсказанием, – не смогла удержаться от реплики я.

– Есть и такое, но у меня именно выполняющее желание.

Я понимала, это очередной развод на деньги, но Славик загорелся идеей китайца, глаза его сияли надеждой и предвкушением. Я не могла отказать сыну, только не сегодня и не сейчас, этот день должен запомниться как светлый и радостный.

– Сколько они стоят? Спросила я, доставая кошелёк.

– Не обижайте меня, это подарок от чистого сердца, – весьма огорошил он меня своим ответом.

– Нам не нужны никакие подарки, спасибо, – насторожилась я и попыталась отказать.

– Мама, не отказывайся, я хочу попробовать, – принялся меня уговаривать сын, дергая за руку.

– Ладно, – сказала я, поддавшись на жалобный взгляд Славика, – мы согласны.

– Тогда держите, – улыбнулся незнакомец, протягивая нам на ладонях печенье, – держите. Для каждого по одному печенью и одному желанию, несите осторожно. Когда выберете желание, то разломите печенье и подумайте о своём желании. И ещё, не ждите, что желание исполнится мгновенно, нужно будет подождать. Это вам не шутки: изменить планы вселенной на вашу жизнь.

Должно быть точно не шутки, – подумала я, забирая из рук незнакомца волшебные печенье.

– Спасибо, – поблагодарила я.

– В добрый путь! – отвесил он нам поклон, сложив ладони вместе перед собой.

Я поторопилась отойти подальше от торговца, уж очень он мне казался подозрительным. Незнакомец скрылся за очередным изгибом аллеи, и я смогла перевести дух. Печеньки по форме напоминали большой вареник, на ощупь сухие и хрупкие. Лично у меня они не вызывали желание их съесть.

– Мам, дай посмотреть! – завертелся от любопытства сын.

– Держи, – отдала я ему печеньки, продолжая путь.

Для меня они не представляли абсолютно никакой ценности – очередной обман и ничего кроме. Но Славик думал иначе, он хватался за слова уличного торговца как за последний шанс, как за тонкую соломинку, способную вытащить его из болота.

– Мам, давай уже попробуем, а? Мне не терпится загадать желание.

– Давай, – безразлично пожала плечами я.

Прямо сейчас откроется обман или чуть позже не сыграет роли.

– Тогда вот, это твоя печенька, – протянул мне одну из печенек сын, – сосредоточься на своём самом важном желании, но, мам, сделай это честно. Я вижу, что ты в это всё не веришь, но ради меня, сделай так, как я прошу.

– Хорошо, дорогой, я постараюсь.

Славик кивнул и сосредоточился, я, закрыв глаза, последовала его примеру. Желание заветное у меня оказалось лишь одно: я хотела, чтобы не было произошедших смертей близких, чтобы ничего этого не было, а все мы жили вместе

долго и счастливо. На этих мыслях я с хрустом разломилась свою печеньку. Несколько мгновений спустя хрустнула и печенька сына.

– Загадал?

– Конечно! Но что дальше сделать тот странный человек не сказал. Может нужно её съесть, может выкинуть.

– А может хранить, пока желание не исполнится, – добавила я, – мы сейчас завернём их в салфетку и положим в мою сумочку, дома уже придумаем, что именно будем с ними делать, согласен?

– Определенно! Вперед за мороженым!

Мороженое на фоне последних событий буквально вылетело у меня из головы, но, оказалось, только из моей. Славик не смотря ни на что, продолжал помнить наш изначальный курс. Он настоящий штурман – не даст свернуть с намеченной цели.

– Поехали! – возвестила я, закрыв сумочку.

Мороженым мы объелись, я купила каждому по три разных шарика, но свою порцию, в отличие от Славика я не смогла до конца осилить. Зато сын остался рад до безобразия, с огромным удовольствием доев ещё и моё мороженое. Хорошо сидеть за столиком под открытым небом, под ногами яркими лоскутами лежит редкая опавшая листва, голубое небо кажется высоким и недостижимым. Деревья над головой качают ветками на ветру, продолжая обсыпать всё кругом листопадом. Тополя первые пожелтели и начали сбрасывать

листву, березки стоят совсем зелёные, в их кронах нет ни одного намека на желтые пряди. Зайдя на аллею с тополями, мы будто попали в огромную машину времени, перенесшую нас на месяц вперёд, в самую гущу осени. Наверное, осень тут живёт и набирает силу, чтобы потом сменить на главном посту лето и смело завладеть всем городом и окрестными лесами.

После мороженого мы не торопясь прогулялись вдоль озера, отыскивали стаю белых лебедей. Они, завидев в наших руках хлеб, активизировались, подплыли поближе, стали тянуть свои длинные шеи и выпрашивать еду. И мы с ними поделились. Птицы жадно хватили оранжевыми клювами кусочки белого хлеба, торопясь ухватить новый кусочек вперёд своего соседа. Красивые и гордые птицы вели себя, словно обычные домашние утки на деревенском подворье. Но погладить себя они всё же не давали, деликатно уклоняясь от протянутых рук.

Около лебедей мы провели весь остаток дня, засобиравшись домой только на закате. День выдался сегодня насыщенный и приятный. Легкая грустинка не покидала меня ни на минуту, напоминая об одиночестве. Слишком быстро моя семья убавилась всего до двух человек.

– Хорошо сегодня погуляли. Мне понравилось! Я хочу каждый день так гулять, – завел на обратном пути разговор сын.

– Вдруг будет дождь? – усмехнулась я.

– Мы тогда возьмём зонтики и всё равно пойдём гулять.

– Хорошо, тогда как я буду работать?

– Ну... ладно, будем гулять в твои выходные.

– Учиться ты перестанешь?

– Нет, – со вздохом сказал Славик, – нам так совсем некогда гулять станет.

– Не переживай, – обняла я его сзади, поцеловав в светлую макушку, – мы обязательно с этим что-нибудь придумаем и найдём время погулять.

– Как сегодня?

– Как сегодня, – подтвердила я, – не забывай, я у тебя есть, а это значит, что мы вместе обязательно со всем справимся.

До дома мы добрались усталые, но довольные. Лишь переступив порог, я осознала насколько устала и насколько тяжело находиться в квартире, где каждая мелочь напоминает о навсегда ушедших родственниках. Больше не витает по квартире запах ужина и горячих пирожков, в этом доме нас никто не ждёт и не радуется встрече.

Ужинали торопясь, каждый хотел поскорее заняться своими делами, Славик – поиграть в компьютерные игры, а мне нужно было ещё переделать кучу домашних дел, что навалились на меня полным своим объёмом. Ждать помощи неоткуда, остаётся рассчитывать лишь на свои силы, никто не подставит своё плечо и не разделит груз забот.

Спать лечь удалось ближе к двенадцати ночи, сын давно спал, а я закутилась с делами и припозднилась. Сегодня я

почувствовала себя золушкой, отвыкла, находясь под маминной заботой вести самостоятельно дом. Зачем-то вспомнились печеньки желаний, как их называл торговец и захотелось поверить, что именно сейчас, в полночь, наши желания исполнятся. И проснусь я с утра от поцелуя мужа, а Славик прибежит к нам в спальню с очередным рисунком-подарком. Я открою глаза в счастливой жизни, всё, что происходило последние несколько лет, окажется долгим и ужасным сном. На таких приятных мыслях я быстро погрузилась в дрему.

Но с утра я проснулась не от поцелуя мужа, а от солнца бьющего в глаза сквозь незакрытые с вечера шторы. В доме стояла утренняя тишина и ничего со вчерашнего дня не изменилось. Спать больше не хотелось, потянувшись, я потихоньку встала. Накинула халат, застелила постель и отправилась в комнату к сыну.

Славик ещё спал, его пушистые реснички подрагивали, а губы улыбались. Ему снилось что-то хорошее, хоть во сне он улыбался так же как прежде: с детской открытой непосредственностью, которой так не хватает в жизни. Задернув поплотнее шторы, я выскользнула за дверь. Пусть сын поспит подольше, а я пока приготовлю нам на завтрак блинчики.

Наскоро приведя себя в порядок, я добралась до кухни. Первым делом включила электрический чайник, захотелось выпить кофе и взбодриться. Затем достала муку, яйца, молоко и глубокую миску. Блины я не делала давненько, кажется, даже разучилась заводить тесто. Но я не из тех, кто отсту-

падет от цели при малейших трудностях. Начнём с малого – нужно разбить три яйца, добавить соли, соды и сахара. Сахар я добавляю всегда – мы не любители пресного теста, блины должны быть сладковатыми. Теперь это всё хорошенько перемешаю, даже чуть взбить можно. Смотри-ка, а руки помнят, не забыли, как это делается!

Готовить меня учила мама, а рецепт ещё бабушкин, мне никогда не забыть бабушкину заботу и мамину любовь. Сейчас мне чудится, что они стоят рядом и, глядя на моё занятие светло улыбаются. На душе потеплело, не думайте, болезненная тоска никуда не делась, но мне хотелось верить, что у них где-то там всё хорошо, не то что у меня. С другой стороны как посмотреть: вроде у нас всё нормально, если считать большим плюсом то, что мы до сих пор живы и почти здоровы.

В раздумьях я хорошенько перемешала в миске ингредиенты и, добавив в смесь молока снова перемешала. По привычке я теста сделала много, чтобы блинчиков хватило на всех. Денис очень их любил и мог за раз съесть пару десятков, у них со Славиком иной раз война была за последние блинчики, никто не хотел уступать. В такие минуты у меня был не один ребёнок, а целых два. Я улыбнулась, воочию представив один из таких случаев.

Насыпав в миску муки и снова всё тщательно перемешав, я отставила полученную смесь немножко настояться, за это время маленькие комочки муки разойдутся, да и я успею вы-

пить кофе.

Кофе он для меня как наркотик, без него не могу нормально начать день, мне нужен скорее даже не вкус, а процесс. Пока пьёшь кофе, есть немного времени собраться, набросать план действий и сосредоточиться. Но сейчас растягивать удовольствие было не с руки, солнце неотвратимо поднималось всё выше, грозя с минуты на минуту разбудить Славика.

Блины я закончила жарить буквально за пять минут до того, как меня из комнаты позвал сын. Я не успела помыть посуду и прибраться, но главное, успела приготовить вкусный завтрак.

– М-м-м-м, как вкусно пахнет, – потянул носом сын, как только мы выбрались за пределы его комнаты.

– Я старалась, хотела тебя порадовать.

– У тебя получилось, мне очень сильно захотелось есть.

– Но сначала умоешься и почишишь зубки, без этого никак.

– Да знаю я, – недовольно буркнул Славик.

Он, как и все, наверное, дети, не любил гигиенические процедуры, не видел в них смысла и пользы, лишь только трату такого нужного и ценного времени. Но дети на то они и дети – быстро расстраиваются и так же быстро отходят. На кухню он въезжал уже с вновь горящим взглядом, мечущимся по столам в поисках вкусняшек.

– Тебе как обычно с вишнёвым джемом?

– Да! Почему ты спрашиваешь?

– А вдруг ты изменил свои предпочтения и захочешь блинчики с варёной сгущёнкой, так же как любил твой папа.

– Нет, мам, я всё ещё предпочитаю джем.

– Хорошо-хорошо, вот твой джем и блинчики, – улыбнулась я, торопливо выставляя на стол угощение.

Блинов мы осилили только половину, вторая часть сиротливо лежала на узорчатой тарелке, молча умоляя доесть её до конца. Желудок хоть и резиновый, но всему есть предел.

– Мам, мы сегодня пойдём гулять? – спросил после завтрака Славик.

– Пойдем, но после обеда. Тебе нужно позаниматься, а то и так отстал от программы, а мне не мешало бы приготовить обед, не будем же мы целый день сегодня блинами питаться.

– Я бы питался, мне нравится, – заявил мне сын.

– Охотно верю, но делать так не правильно, еда должна быть разнообразной.

– Кто сказал?

– Учёные! Или ты хочешь с ними поспорить?

– Нет, пожалуй, я лучше поеду заниматься, чтобы до обеда успеть.

– Договорились, если что – зови.

– Хорошо, мама.

Сын уехал из кухни, а я принялась мыть посуду, попутно решая, что же приготовить на обед.

Так незаметно и быстро пролетели три дня, на завтра у ме-

ня назначено несколько собеседований с предполагаемыми сиделками. Предстоит выбрать из них самую подходящую, тяжело отдавать сына в чужие руки, он ведь такой беспомощный, его легко обидеть. Вариантов у меня нет, работать нужно, это понимает даже Славик, он без единого упрека воспринял новость о необходимости сиделки, а я нервничаю и переживаю, не в силах принять для себя окончательное решение и успокоиться.

На табло электронных часов зелёные цифры показывали 23.55, скоро полночь, а я ещё не могу заснуть, ворочаясь с бока на бок. И грустно, и трудно, и чего-то не хватает...

Глава 4

Раздавалось пение птиц, не назойливое, а тихое и мелодичное, будто связка серебряных колокольчиков, звенящая на ветру. Похоже, я вчера забыла задернуть не только шторы, но и закрыть окно. Лучи солнца настойчиво светили в закрытые глаза, стараясь проникнуть под защиту век. Открывать глаза и просыпаться не хотелось, я помнила, какой сегодня день, от этого становилось лишь тоскливее и редкие крохи желания вставать пропадали, не успев укорениться. Но и заснуть заново мне не удавалось. Придется всё же встать, решила я, сладко потянувшись. Неожиданно под своими руками я ощутила не привычную гладкость постельного белья, а ворсистую поверхность. Резко открыла глаза и не поверила. Надо мной шелестела листва, и голубело высокое небо. Я несколько раз открыла – закрыла глаза, но картинка не менялась, я никак не могла выйти из этого странного сна. Думаете это не сон? Тогда что? Нельзя же в трезвом уме и здравой памяти уснуть в своей кровати, а проснуться в лесу? Я думаю, что нет.

Что ж, если это сон и мне пока не удаётся из него вырваться, то почему бы не осмотреться. Я поднялась и с удивлением поняла, что на мне надето то самое черное платье, в котором я несколько дней назад гуляла по парку со Славиком, на

ногах мягкие туфли и больше ничего. Я огляделась кругом, но кроме пяточка примятой, собственно, мною же травы ничего не обнаружилось.

Я внимательнее взгляделась в пейзаж. Это был точно лес, по этому поводу у меня не оставалось ни малейших сомнений. Но явно необычный лес, нет, тут трава не была синего цвета, и деревья росли вполне знакомых видов, бросалась в глаза его правильность до безобразия. Кроны идеальной формы, будто подстрижены неведомым садовником, веточка к веточке, листик к листику. В реальной природе такого не бывает. Трава короткая, мягкая, над ней возвышаются цветы, разноцветными лентами клумб выливающиеся в красивый узор. Можно подумать, что я попала даже не в лес, а в чей-то ухоженный сад.

Я мягко ступала по зелёному ковру, аккуратно обходя цветочные дорожки. Не то чтобы я боялась испортить чью-то собственность, на самом деле мне было жалко ломать такую красоту. Я шла не торопясь, рассматривая на своем пути дубовую рощу, нежно шелестевшую своими, хорошо узнаваемой формы, листиками. Птицы продолжали петь, разглядывая в свою очередь меня своими блестящими круглыми глазками. Я задалась вопросом, которым не так давно интересовался Славик, думают ли птицы. В эту секунду мне показалось, что вместе с порывом ветра по лесу, будто гигантский выдох, пронеслось:

– Да-а-а-а-а, – и через мгновение всё стихло, ветер ле-

гонько щекотал поверхность листьев, а птицы звенели своими серебряными голосами.

Я помотала головой отгоняя наваждение и не найдя ни малейшего подтверждения тому, что мне всё это не показалось, двинулась дальше, заметив впереди огромный дуб. Ствол его был широк и необъятен, ветки начинали расти высоко от земли и тянулись к самому солнцу, желая коснуться его края. Он был очень стар и огромен, но, не смотря на это, его ствол был ровным и гладким, в кроне не просматривалось ни одной сухой или повреждённой веточки. Одним словом он был идеальным, таким же, как и всё остальное кругом. Но он выделялся своим размером и величием, его определенно можно назвать королем среди подданных. Он меня привлекал, притягивал, подспудно я хотела найти в нём хоть один изъян, даже малейшую неровность, за которую мой мозг мог бы зацепиться. Но обходя ствол дерева по кругу, я всё больше понимала, что моя идея совершенно бестолкова, пока за очередным поворотом не увидела инвалидную коляску.

– Славик! – вскричала я.

Это точно его коляска, я знаю её вдоль и поперёк вплоть до малейшей царапинки и скола. Сын не отзывался, я в панике подбежала к коляске, ощупывая её руками и взглядом. Крови на ней и новых повреждений не было, так же как и сына. Наверно это активизировались и воплотились страхи, одолевающие мое подсознание на фоне необходимости вы-

брать няню. Скорее всего, его в моем сне и не должно быть, — думала я, в то время как глаза рыскали меж кустов и деревьев, а руки намертво вцепились в ручки коляски. Я неосознанно не желала отпустить то единственное, что накрепко связывало меня со знакомым и привычным реальным миром. Так вместе с коляской я и пошла дальше, еще окончательно не потеряв надежду найти Славика.

Коляска по траве катилась трудно, не то, что по асфальту, хорошо ещё, что трава низкая, не забивалась в колёса и не путалась под ногами, но я продолжала упорно её катить по газону, не допуская мысли оставить её на прежнем месте.

Сына я таки нашла, он лежал под этим самым дубом, только с другой стороны. Обошла ли я это дерево по кругу или ещё нет, определить было невозможно, уж слишком он был огромен в диаметре. Славик сладко спал, по привычке подложив руки под щёку, одет он был ровно так же как в тот злополучный день, когда мы встретили китайца-торговца, угворившего меня принять печенье желаний. В принципе никакого особого дискомфорта или проблем эти самые печеньки нам не принесли и некоторое время ни я, ни сын о них даже не вспоминали, но в том, что в этом сне одежда в точности такая же, как и тогда наводит на определённые мысли. Я, стараясь не шуметь, поставила на тормоз коляску и присела рядом с сыном, его грудь и бока мерно вздымались, губы чуть приоткрыты, на щеках пригрелся румянец. Трепетно проведя по теплому лбу и чуть жёстким светлым волосам

сына, я успокоилась, самое ценное, что есть у меня в этой жизни здесь, рядом со мной.

Прерывать сладкий сон сына я не стала, торопиться нам некуда, за годы, проведённые во сне, в реальности проходят минуты. Я не раз замечала, что самый длинный сон укладывался по времени в пятнадцать минут, когда на самом деле казалось, что прошла уже целая вечность. Опершись спиной о ствол дерева, я прикрыла глаза, вот так бы сейчас уснуть, а проснуться уже дома в своей кровати, потом со Славиком за чашкой горячего кофе вместе посмеяться над этим необычным сном. Станный я всё-таки человек, даже во сне, не могу полностью расслабиться и наслаждаться обстановкой, когда ещё я увижу такой идеальный порядок и красоту? В этом месте не досаждают комары и вездесущие мошки, которые даже в плотно расположенных городских застройках умудряются существовать и портить жизнь людям. Птички поют, травка зеленеет, солнышко пригревает, что ещё для счастья надо? Так нет, я ищу подвох, выискиваю какие-то опасности, будто это сыграет во сне какую-то особую роль. Сон на то он и сон, что идёт своим чередом и со своим сложным и непредсказуемым сюжетом.

– Мама! – воскликнул сын, – где мы?

– Если бы я знала, – ответила ему я, открывая глаза и с разочарованием понимая, что окружающая картина осталась прежней, – думаю, мы сейчас во сне.

– А ты во сне хоть раз задавалась вопросом, где ты нахо-

дишься?

– Не припомню, – задумавшись, ответила я.

– И я такого не помню, обычно во сне всё вокруг воспринимаешь, как само собой разумеющееся, не зная, как есть на самом деле.

– Может это необычный сон, – не сдавалась я.

– Один на двоих?

– Не обязательно, возможно, ты снишься мне или я снюсь тебе.

– Тогда мы бы не вели такого разговора, – буркнул сын, приподнимаясь на локтях и усаживаясь.

– Но оглянись вокруг, это же сказочный лес, будто иллюстрации, сошедшие со страниц пушкинского Лукоморья.

– Как ты считаешь, во сне хочется есть и в туалет? – задал каверзный вопрос Славик.

– Ты меня расспрашиваешь, как будто я специалист по сновидениям! И вообще мне сны снятся очень редко, обычно я сплю без сновидений.

– Не знаю сон это или нет, но в туалет и есть мне хочется сейчас.

– Проблемка, – хмыкнула я, поднимаясь и оглядываясь с точки зрения наличия подходящих кустов.

Биотуалетами лес наверняка никто не оборудовал, впрочем, как и кустами, их попросту не наблюдалось, были только трава, цветы и деревья, промежуточного звена не существовало.

– Эх, прости нас, величественный дуб, но придётся справлять нужду прямо тут, на траву, – бубнила я себе под нос, прикидывая как мне выкрутиться из щекотливой ситуации без специального стула-туалета.

А в ответ новый порыв ветра с отчетливым полустоном – полувыдохом:

– Да-а-а-а-а-а.

– Что это? – всполошился Славик.

– Похоже, что нам дали добро на осквернение газона, – несколько нервно хмыкнула я, получившая подтверждение, что это не мои галлюцинации.

Тяжко нам дался этот, казалось бы, привычный и ежедневный процесс. Дома об этом совершенно не задумываешься, пока не попадешь в такую весьма непредусмотренную ситуацию, но мы справились, нашли способ. Хуже обстояло со вторым вопросом, где брать в этом месте еду я не представляла, пришлось идти наобум. В эти минуты я возрадовалась наличию коляски, вознося молитвы создателям сна, благодаря за заботу. Пока я всё своё внимание сосредоточила на выборе более удачной дороги для коляски и осматриванием местности на наличие грибов, ягод и иже с ними, сын восхищённо комментировал всё кругом, став обычным, любознательным ребенком, а не рассудительным подростком, каким стал после аварии.

Время шло, а мы всё брели между дубов, которым конца и края не было видно. Вспомнив давно позабытые знания,

я определяла направление по солнцу, а то есть у человека такая неприятная черта как ходить по кругу, но и эти меры не приводили к явным результатам. Солнце медленно опускалось к горизонту, мои ноги гудели, а руки я уже, по-моему, ощущала через раз, красота и правильность окружающей среды в моих глазах померкла, сон затягивался, а силы мои были на исходе. Интересно, а во сне можно умереть от голода или жажды? И что тогда будет?

– Смотри! – привлёк моё внимание к себе сын.

Я утомленно проследила за его вытянутой рукой, он показывал вбок вправо, и там было на что посмотреть. В той стороне, насколько я смогла рассмотреть, сплошной стеной вырастала высокая зелёная изгородь. Это хоть что-то, хоть какое-то изменение однообразно повторяющегося ландшафта.

– Пойдем туда, посмотрим поближе. Возможно, мы не сможем пробраться через эти дремучие заросли, но попробовать стоит, – сказала я, сменяя направление и беря курс вправо.

Идти к определённой цели несколько легче, чем бесцельно бродить, вот и мне сейчас было идти проще, видя перед собой тёмную гущу растительного происхождения. Славик молчал, от любопытства наклонившись вперёд и с силой вцепившись побелевшими пальцами в поручни. Я торопилась из последних сил, начав спотыкаться на ровном месте. Странное чувство, но эти тёмные заросли меня не пугали и не тревожили, хотя чисто интуитивно всё темное в человеческом

мозге ассоциируется с опасностью.

Подойдя поближе, мы смогли подробнее рассмотреть. Перед нами не было никакой стены, как виделось изначально, на самом деле это был густой лес с «подшерстком» из хаотично растущих кустов разной высоты и формы. Начинаясь он внезапно, будто его край был отрезан по гигантской линейке великаном или создателем. Переступая эту невидимую черту, оказываешься совершенно в другой атмосфере, в которой добрый светлый сказочный лес сменяется темным, но не менее сказочным обиталищем леших, кикимор и ведьм. Освещённую заходящим солнцем поляну заменяет сумрачная трудно проходимая чаща, но в ней, где-то неподалёку слышится явное журчание бегущей воды, лучше сладкоголосых соловьёв ласкающее мой слух. Чуть запоздало слышит это и сын:

– Мам, вода, ты слышишь? Там есть вода!

– Слышу, – вымучено улыбаюсь я сыну и делаю усилие над собой, заставляя ноги сделать следующий шаг.

Передвигаться по этому месту было ещё тяжелее, тут не было идеально подстриженного газона, освобождённого от мусора и прошлогодней листвы, трава росла свободно, так как ей вздувается, вытягивая длинные узкие стебли выше моего колена. Мне приходилось сначала самой приминать траву, а только потом катить коляску, но и эти меры помогали только частично. Если я до этого думала что всё, финиш, сил сделать хоть один новый шаг у меня нет, то сейчас я бук-

важно падая, царапаясь о ветки и режась об траву волокна инвалидную коляску вместе с сыном. Он переживал, просил его оставить или хотя бы передохнуть, но я знала, что если сяду, то встану не скоро, а нам нужно утолить жажду. По мере продвижения я замечала на кустах какие-то ягоды, но пробовать их на вкус не пыталась, хотела завершить сначала одно дело.

Буквально на коленях я доползла до ручья, в полном изнеможении упала на живот и с жадностью приникла к воде. Я не думала в этот момент о том, что эта вода может быть непригодна к питью, я только чувствовала, что не напейся я сейчас – умру на месте. Станным образом каждый новый глоток добавлял мне новых сил и облегчал боль в перенапряжённых мышцах. Спустя пару минут я была почти как новенькая, и мне хватило сил подтащить сына к воде и напоить его. Теперь я смогла умыться, смывая солёный пот и кровавые подтёки с лица и рук.

– Мама, твои царапины исчезают прямо на глазах! Смотри! – возбуждённо тараторил сын, указывая на мои, совсем ещё недавно, изрезанные в кровь руки.

– Ты прав, – не без удивления уставилась я на свои руки, покрытые теперь не порезами, а тоненькими розовыми полосочками шрамов, прямо на глазах теряющих яркую окраску, бледнея и становясь почти незаметными.

– Это живая вода! – восхищённо прошептал сын, – я о такой читал в сказках.

– Я тоже читала, но мы сейчас во сне, а тут возможно всё что угодно, даже динозавры.

– Нет, мы не во сне, мы в сказке, – твердо и серьёзно сказал сын и от его слов по моему телу побежали колючие мурашки.

– А что если эта вода поможет и тебе встать на ноги? – с горящими глазами проговорила я, глядя сыну прямо в серость мудрых глаз.

– Давай, – ответил он, внешне оставаясь спокойным, о том, что творилось в эту секунду у него в душе мне оставалось только догадываться.

– Вода холодная, ты потерпишь? – спросила я, уже начиная его раздевать.

– Это мелочи, – махнул рукой он, отводя в сторону взгляд, – ради шанса снова начать ходить я готов и в прорубь нырнуть, только...

– Что только?

– Только боюсь, что не поможет, и я зря надеюсь.

– Я не могу тебе обещать, что целебной воде хватило сил восстановить твоё здоровье, но попробовать в любом случае стоит.

– Давай, – скомандовал сын, и я медленно погрузила его худенькое, ярко белеющее в сумерках тело в воду неглубокого ручья.

– Ты как замерзнуть начнёшь, сразу говори, а то так простудиться не долго, – просила я сына, а он на это засмеялся.

– Ты чего смеёшься?

– Мам, вода же живая, в ней нельзя заболеть, она сама по себе целебная!

– Много ты в живой воде понимаешь, – обидевшись, проворчала я.

– Я её ощущаю, у неё есть определённый разум, не могу это объяснить словами, просто чувствую и всё.

У меня не было повода не доверять словам сына, а вдруг у него есть необычные способности, я не редко видела по телевизору, что у людей, переживших катастрофы, кому или клиническую смерть не редко проявлялись экстрасенсорные способности.

– Наверное, хватит, – сказал сын, минут через пять примерно и я его вытащила на берег, где пришлось вытирать и растирать его тело подолом собственного платья, полотенце нам тут никто не приготовил.

– Что чувствуешь? – с замиранием сердца спросила я сына, – когда он был полностью одет и усажен обратно в коляску.

– Ничего, – пожал плечами Славик, – ничего нового не чувствую, не поможет в моём случае даже живая вода.

– Не вешай нос, – погладила я его по коленям, – возможно нужен не один сеанс, ведь это далеко не царапина, нужно время, чтобы восстановить разорванные ткани и нервы.

Но никакие мои увещевания не помогали, сын закрылся в себе и не желал разговаривать, после нескольких бесплодных

попыток его расшевелить я приняла решение оставить его наедине с собой. Он у меня сильный, просто нужно время свыкнуться с мыслями, тяжело расставаться с такой почти осязаемой надеждой.

– Я пойду, осмотрюсь, тут неподалёку видела ягоды, хочу проверить знаю ли я такие.

Славик никак не отреагировал, он не моргая смотрел на весело бегущий ручей, этот ручей совсем не вписывался в мрачную обстановку этого непонтного места. Здесь бы больше подошло мутное тёмное око озера со своими тайными и недоброжелательными обитателями, чем ручей с живой водой. Создавалось впечатление, что страшного вида деревья и терновые кусты защищают и оберегают источник с живой водой, но тогда почему они пропустили нас? И приняли почти радушно, позволив залечить раны и утолить жажду? Загадки, одни сплошные загадки и ни одной живой души вокруг у которой можно было хоть немного выяснить информации. В наш век информационной технологии без информации никуда, если ты не в теме, то ты многое упускаешь, отстаешь от прогресса и перестаёшь правильно понимать окружающих. Язык настолько быстро меняется, что даже мне, взрослой, но ещё не старой женщине порой трудно понимать молодёжь.

Куст с ягодами раза в полтора превышал мой рост, его ветки, усыпанные округлыми листьями и голубыми продолговатыми ягодами, выглядывающими из зеленой массы плотной шапкой начинались от самой земли. Ягоды на вид практиче-

ски не отличались от всем известной жимолости, они были чуть поменьше размером, а в остальном, на мой не профессиональный в этом вопросе, взгляд, ничем не отличались. Я долго вертела в пальцах одну из ягод, обнюхивая, разглядывая решаясь попробовать.

В лесу довольно быстро темнело и холодало, предстояла тяжёлая ночь. Тёплой одежды у нас с собой естественно не было, впрочем как и хоть мало-мальски подходящего укрытия. Подгоняемая этими фактами я положила в рот синюю ягоду и раскусила её. На язык вылилось немного кисло-кисловато-горького сока, отдалённо схожего с упомянутой уже жимолостью. Возможно, это и нормально для лесных ягод, мне не доводилось такие пробовать.

Дальше я отыскала на берегу ручья заросли растения с большими широкими листьями, в один из которых и принялась набирать ягоды для сына. Сама же я ела параллельно прямо с куста. Ягод на нём было очень много, они прятались под ветками, стоило только одну из них приподнять, так спокойно с каждой собиралось по пять пригоршней кисловатых ягод. Это всё-таки лучше чем ничего, на несколько часов заглушить голод хватит. В итоге я набрала приличную горку ягод и сама измазалась сине-багровым, трудно смывающимся, соком.

Возвратилась я к Славику с добычей, вложив самодельный кулёк ему в руки, я наклонилась к воде умыться.

– Это точно можно есть? – спросил сын, скептически раз-

глядывая мой дар.

– Не знаю точно, но я пока жива и неприятных ощущений не испытываю. Они на вкус несколько своеобразные, но есть можно, – ответила я отплёвываясь от воды, стекающей по лицу.

– Ладно, попробую.

– Пробуй, у нас под рукой есть живая вода, если что поможет, – вспомнила я про её свойства.

– Фу, они горькие, – сморщился Славик с полностью набитым ртом.

– А ты поменьше в рот засовывай за раз, будет не так горько. Есть всё равно надо, а то быстро потеряешь силы.

– Снова выводы твоей любимой науки? – уточнил сын, последовав моему совету.

– Её родимой, куда ж я без неё! – вымученно улыбнулась я. Вытирая лицо и руки краем своего многострадального подола.

– Например в сказку? Зачем в сказке наука, тут возможно всё.

– Наука, мой дорогой мальчик, есть везде, – сказала я, усаживаясь рядом с коляской сына на траву, – законы природы никто не отменял, могу предположить, что в сказках они немного иные, но без них ни один мир, сказочный он или нет, существовать не сможет. А наука пытается эти законы понять, установить закономерность и определить области, где их можно с выгодой для себя применить.

– Никогда не думал, что наука настолько важна.

– В твои годы я подобным совершенно не задавалась, меня интересовали игры, мультфильмы и развлечения, учёба в школе была как повинность, которую нужно отбывать, хотя совершенно не хочется.

– Ты не любила учиться? – удивился сын.

– Нет, по-моему тогда никто не хотел учиться.

– А мне вот нравится учиться.

– Так ты же у меня умный и уникальный, а я была обычной девчонкой, не интересующейся наукой.

– Как бы и я хотел стать совершенно обычным, – тяжело вздохнул Славик.

– Не стремись быть таким как все, ты – другой и я – другая, мы как яркие звёздочки в пучине безликого людского океана, неужели ты хочешь с ним слиться и быть всего лишь каплей, такой же как миллионы других?

– Нет, не хочу, – немного подумав ответил сын.

– Тогда не стремись быть таким же как другие, будь самим собой, таким каким ты себя чувствуешь.

– Хорошо. А где мы сегодня будем спать?

– Интересный вопрос, я надеялась, что этот затяжной сон с минуту на минуту закончится, но он никак не соизволит нас отпустить на свободу. По темноте брести неизвестно куда опасно, поэтому ночевать придётся прямо тут.

– У нас с тобой сегодня экстрим! – просиял Славик.

– Тебе-то да, разнообразие, а мне гораздо уютнее спать в

кровати, чем на земле.

– Ну не ворчи! Это же целое приключение!

– Да уж, – не заразилась я оптимизмом сына, – давай я тебя сниму с коляски, полежим, может и уснём.

Глава 5

Славик не успел ответить, а я не успела подняться, небо озарила яркая вспышка несущейся с огромной скоростью кометы. Мы и охнуть не успели, как это нечто с грохотом и воем рухнуло метрах в пятидесяти от нас ниже по течению ручья. Я поднялась, встала на цыпочки, шикнула сыну, чтобы не шумел и принялась выглядывать из-за мешающей растительности. Страх сковал моё тело, сердце бухало где-то в голове, а я всё смотрела и смотрела на светящуюся золотым светом бесформенную кучу.

– Мама, – не выдержал сын, – мама, что там?

– Сама пока не могу понять.

– Оно светится!

– Да, и похоже двигается.

– Оно что, живое?

– Похоже на то, – проговорила я начиная отступать по-дальше и пытаться сдвинуть коляску с места.

– Ты чего? – не понял Славик.

– Нужно убираться подальше, пока это нечто нас не заметило.

– А вдруг оно ранено и ему требуется помощь? – воспротивился сын, а я всё дёргала, как назло застрявшую в грунте коляску.

– А вдруг это нам понадобится помощь? Может оно питается людьми.

– У-р-р-р-р-р-р-р-р, – раздался громкий жалобный стон, мы со Славиком разом вздрогнули и я с остервенением продолжила дёргать застрявшую коляску, когда для начала нужно было освободить колёса.

– Мама, оно точно ранено!

– М-м-м-м-м, – сама жалобно протянула я, находясь на грани паники.

– У-р-р-р-р-р-р-р-р, – не унималось чудище.

– Мам, мам! – буквально стал подпрыгивать на месте сын – смотри, оно стало тусклее светиться, ему точно нужна помощь!

– Ага! Сейчас всё бросим и рванём прямо ему в пасть! – от безысходности огрызнулась я.

– Да стой ты! – вскричал Славик – Мам, с каких пор ты стала бессердечной? Оно умирает, я это чувствую, мы должны помочь, просто поверь мне!

Я колебалась почти минуту, но серьёзные серые глаза сына молили о помощи. Будь он сейчас на своих ногах, так давно помчался бы туда.

– Ладно, – сдалась я, пойдём, посмотрим, но если нас съедят, то в этом виноват будешь ты!

– Я согласен, только поторопись, – разом повеселел сын.

– Постараюсь, но твоя коляска застряла, боюсь, не получится быстро выпутаться.

На это Славик хмыкнул и взявшись за колёса одним сильным движением вытолкнул коляску из ямки, в которой она застряла. Обдумывать ситуацию времени не было, создавалось впечатление, что сама природа подталкивала нас к этому существу, облегчая дорогу. Трава сама прижималась к земле, не путалась в колёсах и мы быстро добрались до тускло светящегося тела. Я застыла не в силах сдвинуться с места, перед нами, раскинув порванные и сломанные крылья на животе лежал настоящий изумрудно-золотой дракон.

– Мам, не стой! Нужно ему помогать!

– Как помогать-то? – голова моя шла кругом и отказывалась связно соображать.

– Ну не знаю, напои его живой водой, налей на раны.

– Раны? – заторможено переспросила я, внимательнее приглядываясь к телу дракона.

Только теперь я заметила, что он был часто утыкан стрелами с обломанными древками и даже с целым оперением, из многочисленных ран струилась на вид обыкновенная алая кровь.

– Мам! – взмолился сын и я сорвалась с места.

На моё счастье дракон упал совсем близко к ручью, и мне нужно было только постараться вытянуть его длинную змеиную шею, чтобы он смог коснуться пастью воды. Надо сказать зубастой пастью. Я раньше не держала в руках змей и даже брезговала к ним прикасаться, считая, что они на ощупь скользкие и холодные. Кожа же этого дракона состояла из че-

шук, причем на животе чешуйки были маленькие постепенно увеличиваясь в размерах к спине, которую ровно посередине украшал небольшой костяной нарост, напоминающий гребень. Я упиралась ногами в землю и отклонялась назад, призывая на помощь собственный вес, чтобы суметь сдвинуть тяжёлую голову чудища. Она поддавалась и я сантиметр за сантиметром приближалась к ручью.

Дракон каким-то чудом ещё дышал, с таким количеством ран невозможно выжить, я продолжала тянуть, уже погрузившись своими ногами в ручей. Чудище уже не стонало, глаза закрыты и тело неподвижно, лишь редко вздымающиеся бока подтверждали, что он жив. Наконец, мне удалось положить морду дракона в воду, но пить он не стал.

– Лей, лей воду в пасть! – кричал мне сын, а я боялась лезть в эту зубастую пасть.

Но делать нечего, ввязалась в это, так нужно идти до конца. Кряхтя я повернула голову дракона на бок и схватив валявшуюся неподалёку палку вставила в пасть чудища, как рычагом разжимая челюсти. Дракон не сопротивлялся, не захоти он я бы и на миллиметр не смогла бы приоткрыть его пасть. А так, можно сказать, он мне как мог, помогал. Другой рукой я зачерпнула пригоршню воды и влила в приоткрытую пасть, не видя результата, я вновь и вновь черпала воду и лила ему в рот, приговаривая:

– Глотай! Хочешь жить – глотай!

Спустя вечность, чудище шумно и с трудом сглотнуло, а

я не удержала облегченного выдоха.

– Всё, теперь всё, должен выжить, – подбодрила я волнующегося на другом берегу ручья сына.

Платье моё до самых бёдер промокло, но я не чувствовала холода, дрожа от напряжения и продолжая вливать дракону в пасть живую воду. Сколько это продолжалось – не знаю, я потеряла ход времени, вывел меня из этого состояния Славик.

– Получилось! Мам, смотри, он стал светиться ярче!

Я прекратила бесконечное повторение действий и разогнувшись посмотрела на тело дракона. Оно действительно светилось гораздо ярче, дышать он стал чаще, но вот выталкиваемая, из многочисленных ран, при каждом новом вдохе кровь, мне совершенно не понравилась. Не задумываясь я зачерпнула в сложенные лодочкой ладони воду и рванула к самой кровоточащей ране в боку. Из этой раны торчала далеко не стрела, похоже в ней застряло настоящее копьё. Вылив на рану воду я стала ждать, кровь замедлилась, но полностью бежать не перестала. Сделав ещё пару ходок я поняла, что одной воды мало, надо делать что-то ещё. На помощь мне пришёл как всегда сын:

– Нужно выдернуть копьё, оно мешает ране закрыться!

– Но ему будет больно! – недоверчиво посмотрела на сына я.

– Знаю, но это необходимо сделать.

– Ладно, – с глубоким вздохом ответила я уже руками при-

меряясь к копыю.

– Прости, но тебе придётся потерпеть, – прошептала я и со всей силы дёрнула на себя копьё.

Зверь взвыл и дёрнулся всем телом, я же вместе с копьём упала на траву, больно приложившись копчиком и затылком. Окровавленное копьё осталось в моих руках, я с отвращением смотрела на вырванную плоть, застрявшую на зазубренном крае оружия.

– Мама, не спи, он сейчас истечёт кровью!

– Я охая поднялась и посмотрела на рану, из нее сильным потоком лилась кровь, окрашивая траву в ещё более темный цвет. И я забыла про свои ушибы, что есть мочи рванула к ручью и в бешеном темпе стала носить воду поливая рану, пока та совсем не закрылась. Только тогда я смогла перевести дыхание и выдохнуть. Но расслабляться было ещё рано, дракон как ёж был утыкан стрелами, это, конечно, не копыя, но наверняка тоже весьма больно.

До самого рассвета я выдёргивала стрелы и заживляла раны, не свалиться с ног мне помогала живая вода, которую я пила, чувствуя себя на пределе возможностей. Славик давно спал прямо сидя в коляске и уронив светлую голову на грудь. Дракон после пыток, кажется, тоже уснул. Ему надо восстановить хоть немного своих сил, а лучше всего это сделать во сне. Он был горячим на ощупь, будто в его жилах текла не кровь, а настоящий огонь. Я вспомнила, что ночью было холодно, сын наверняка замерз и проклиная свою безалабер-

ность пошла к нему. Руки Славика были холодными, ну точно замёрз! Стараясь не разбудить я сняла с коляски сына и перенеся через ручей полулёжа прислонила к горячему боку дракона. Славик сонно завозился и плотнее прижавшись к шкуре дракона затих. Я сама пристроившись рядом с сыном закрыла глаза, окончательно расслабляясь.

Открыла я глаза уже днем. Ну как днём, яркого солнца не было видно, будто ему мешал свободно проникать в эту местность защитный туманный купол, под моей спиной мерно вздымался теплый бок дракона, сын сполз на траву и прижавшись спиной к живой печке продолжал спать.

– Наконец-то! – сказала внезапно появившаяся перед моим лицом морда дракона. От неожиданности я дернулась бежать, но эта же морда на чистом русском на меня шикнула:

– Тише ты! Ребёнка разбудишь!

– А ты, значит, не разбудишь? – ехидно прошипела я.

– Не-е-е-т, я тихо, – смешно покачал головой дракон, а я тихонько прыснула со смеху.

С открытыми глазами дракон преобразился, он поднял костяные пластины, короной окружившие его голову, глаза сверкали расплавленным золотом, притягивая к себе мой любопытный взгляд. В общем, он был красивым, природа этого мира не поскупилась на создание такого великолепно-го существа.

– Спасибо, – пробасил он, – без твоей помощи я бы не встретил сегодняшний рассвет.

– Я долго сомневалась. Опасалась твоих зубов и когтей.

Дракон оскалился, голова его беззвучно затряслась, а глаза закатились. Не сразу я поняла, что это он так смеётся, чуть не рванула снова осуществлять спасательную операцию.

– А ты странная, – отсмеявшись, сказал дракон.

– Почему? – не разделила его вывода я.

– Сидишь спокойно, разговариваешь со мной, а не бежишь в безрассудном страхе. На твоём месте другой халт уже давно меня добил, а ты наоборот, выходила.

– Я не задумываясь бы убежала, но меня остановил сын, благодари его, а не меня.

– Его я тоже поблагодарю, не сомневайся. Скажи мне, что халт делает в заповедной полосе и как вы смогли сюда попасть? Как вас пропустила сюда защита?

– Мы просто прошли, – пожалала плечами я, – никто нас не пытался задержать, а название этого места я не знала.

– Хм-м-м-м, – задумался дракон, – в таком случае как тебя зовут?

– Татьяна, а тебя?

– И имя у тебя не типичное для халтов, – пропустил мимо ушей мой вопрос дракон, – откуда вы пришли?

– Мы пришли с Земли.

– У нас нет такого места, ты что-то от меня пытаешься скрыть? – раздражённо спросил дракон, гипнотизируя меня своим круглым глазом.

– Нет, мне нечего скрывать, и не злись, ты должен теперь

мне свою жизнь.

– Откуда ты знаешь про этот закон, халт? – гневно прошипел дракон.

– Слышала, – не говорить же ему, что прочла в фантастических книжках и сказала так, наобум.

– Ты не так проста, как мне показалось на первый взгляд, у тебя своя корысть. Чем я могу тебе отплатить за спасение своей жизни?

– Пока не придумала, я не знаю всех твоих возможностей.

Дракон вновь рассмеялся, – не смей меня, Таяна, любой халт с малолетства знает, какую часть тела драко и как можно использовать.

– Татьяна, меня зовут Татьяна, а не Таяна. Я не хочу разрезать тебя на кусочки, может, целиком ты принесёшь больше пользы.

Дракон немигающим глазом уставился на меня, а потом сказал:

– Очень ты непростая, так что ты от меня хочешь?

– Для начала знать твоё имя.

– Имя драко знают только избранные и посвящённые, тебе нельзя его знать.

– Ладно, не стала спорить я, – тогда скажи, как тебя можно называть.

Вопрос мой был обычный и простой, но дракон загрузился надолго, будто никогда не думал над этим.

– Дехас-с-с-с-с, – шипяще протянул дракон, – можешь

называть меня Дехас-с-с-с-с-с.

– Дехас, – повторила я, – хорошо, я запомнила.

– Не Дехас, а Дехас-с-с-с-с-с, Таяна.

– Раз ты коверкаешь моё имя, то и я буду называть тебя так, как мне удобнее, – отрезала я, приободрившись и осмелев.

Ого! А я даже не предполагала, что костяная корона дракона может подниматься ещё выше, расправляясь, будто капюшон кобры.

– Не шипи, ничего в этом страшного нет, это всего лишь имя, к тому же не настоящее.

– Аргумент, – согласился дракон, возвращая свои костяные пластины в прежнее состояние и наклоняя голову набок.

– Вот и договорились, – улыбнулась я. Ты как себя чувствуешь?

Картина удивлённого дракона меня развеселила, это тебе не человеческие эмоции, которые привычно читаешь на лицах ежедневно, выражение дракона ещё нужно проанализировать и соотнести с известными эмоциями, что с непривычки крайне сложно сделать.

– Чему ты так удивляешься? – не удержалась от вопроса я.

– Не сходится твоя корысть с заданным вопросом.

– Всё сходится, как я смогу осуществить свои планы, если ты вдруг помрёшь?

– Помереть я уже не помру, ты отвела эту напасть, мне остаётся только восстановить крылья, но это процесс долгий,

уйдёт пара недель точно и то если как можно чаще опускать их в живую воду, – проговорил дракон, задумчиво расправив своё крыло с порванными кожистыми перепонками.

– Значит, тебе будет, чем заняться, надеюсь, не очень болит?

– Нет, не болит, – хмыкнул дракон, – выглядит несколько ужасающе, – добавил он, медленно помахав крылом вверх-вниз.

– Раз это всё поправимо, то не так страшно, – не согласилась я с Дехасом.

Под боком дракона завозился сын, зевая и протирая кулачками заспанные глаза.

– С добрым утром, соня, – на подъеме сказала я, обращаясь к сыну.

Подвижная голова Дехаса тут же переместилась к Славику, поднырнув под так и оставшееся раскрытым крыло.

– Опа, – сказал сын, когда в поле его зрения возникла любопытная морда дракона.

– Здравствуй, спаситель. Таяна сказала, что благодаря тебе я остался жив.

– Мама преувеличивает мою заслугу, это всё она сделала.

– Точно странные халты, никто не хочет принимать честь, перекидывают друг на друга, будто благодарность драко пустой пшик и ничего не стоит, – словно в никуда произнёс Дехас, – как я могу отблагодарить тебя маленький спаситель? Ты хочешь мою золотую чешуйку или слезу?

– На что мне они? Чешуя у тебя, конечно, красивая, но она лучше смотрится на тебе, чем отдельно.

– За право владения частичкой драко халты дерутся и убивают друг друга, считая, что они целебные и эликсир из них способен вылечить даже самые тяжёлые недуги.

– А он способен? – заинтересовался Славик.

– Не больше, чем эликсир из плоти любого халта.

– Жалко, – погрустнел сын, – а кто такие халты?

– Как кто? – снова удивился дракон, – вы, конечно.

– Мы не халты, мы – люди, – с умным видом заявил сын.

– Не знаю таких, – протянул дракон, когтём передней лапы скребя чешуйки на шее за ухом, – у нас живут только халты и драко, никаких людей нет. Так откуда вы тут взялись?

– Сами не знаем, – опередив меня, ответил Славик.

Дракон даже перестал чесаться, внимательно уставившись левым глазом на нас, будто видел впервые, – как это возможно?

– Мы не знаем, – вмешалась я, – ложились спать мы ещё на Земле – планете, населённой людьми – единственной мыслящей расой, а проснулись уже тут неподалёку в странно-идеальном парке или лесу, потом пошли куда глаза глядят и натолкнулись на ручей с живой водой.

– Во дела, – сказал дракон, опуская переднюю лапу и складывая крыло, – не слышал о таком за свою жизнь, но по меркам драко я ещё очень молод, возможно правитель знает больше, да, наверняка знает больше о вашем появлении.

– Как нам увидеть твоего правителя? – спросила я.

– Это закрытая информация, халт не может попасть во владения драко, а правитель стар и давно не покидает пределов Са-Ана, – слишком официально заявил Дехас.

– Но мы не халты, а люди, на нас запрет не распространяется.

– Указаний на счёт людей не было, – дракон вновь принялся скрести чешуйки когтями, – но и прямого разрешения не было. В такой ситуации я не знаю, как поступить.

– Ты нам должен, разве ты забыл? – спросила я.

– Забудешь тут, – проворчал Дехас.

– Тогда в плату за спасение твоей жизни я прошу тебя сопроводить нас к вашему правителю.

Дракон задумчиво пошевелил когтистыми пальцами, раздумывая, прежде чем ответил:

– Я согласен, пожалуй, это будет наименьшее из того, что ты могла с меня запросить, я думал, будет гораздо хуже.

– Не забывай, у нас есть ещё одно желание в уплату долга Славику.

– Помню я, помню, у драко почти идеальная память, – проворчал дракон.

– Но это не мешает специально промолчать.

– Я не такой, – обиженно заявил Дехас.

– Ага, все мы не такие.

– Вы мне уже бок отлежали, дайте мне хоть немного свободы, я хочу пойти начать заращивать крылья.

– Да, конечно, только поклянись, что выполнишь своё обещание доставить нас к правителю.

– Ох, – закатил глаза дракон, – что люди, что халты – одинаковы, выгоды своей не упустите. Давай ладонь.

Я ничего не подозревая протянула руку, а дракон заговорил:

– Клянусь Таяне из рода... Из какого ты рода?

– Коробкиных, – сказала я свою девичью фамилию.

– Из рода Коробкиных, – продолжил Дехас, сопроводить её и её сына к правителю всех драко в поднебесный город Са-Ан, – на последних словах он чиркнул по моей руке своим золотым отполированным когтём.

Я вскрикнула, а выступившая из раны кровь вдруг вспыхнула синим пламенем, и исчезла вместе с самой раной. Теперь на моей ладони красовался крохотный золотой дракончик.

– Что это? – спросила я, указывая на рисунок.

– Печать – подтверждение клятвы драко, она исчезнет, когда моя клятва будет исполнена, до тех пор он будет как напоминание о долге. Если я погибну или откажусь исполнять клятву, печать покраснеет, и её ты сможешь предъявить любому другому драко, он будет обязан исполнить мою клятву, а меня ждёт за это наказание от правителя.

– Строго у вас всё, – сказала я больше для себя.

– Довольна? Теперь освободи меня уже! – чуть ли не взмолился дракон.

– Хорошо, – ответила я, поднимаясь с земли.

Глава 6

Дехас внимательно наблюдал, как я, приподняв до колен подол, перешла через ручей, взялась за ручки инвалидной коляски, и с трудом толкая её перед собой, отправилась в обратном направлении.

– Зачем это? – не выдержал дракон.

– Это для меня, – ответил Славик, – я не могу ходить, а эта коляска единственный мой способ передвижения.

– Ого! У нас таких проблем не бывает, – своеобразно посочувствовал дракон.

– Разве в этом мире не случается травм? Как, кстати, этот мир называется?

– Случаются, но их быстро исправляют. Его называют по-разному, кто Ирий называет, кто Вальхаллой кличет, а мы, драко, зовём его Нирваной.

– А Раем никто не называл? – побледнев от осознания, спросила я.

– Называют, а говоришь, что ничего не знаешь. Оказывается что-то да слышала.

– Слышала, только ещё там, на Земле. Понимаешь, по нашим земным поверьям в Рай попадают только после смерти. Мне даже не хочется думать, что мы на самом деле со Славиком просто умерли.

– Вот история, – задумался дракон, а я вышла из оцепенения и посадила сына в коляску.

Освобождённый дракон неторопливо поднялся на лапы, потянулся, словно гигантская кошка и вразвалочку потопал к ручью.

– А кто лечит таких как я? – задал дракону вдогонку вопрос сын.

– У нас лечат те, кто обладает даром исцеления, у халтов тоже маги-лекари есть, но судя по тому, что охота на драко никак не заканчивается, они по большей части шарлатаны, – остановившись и обернувшись, ответил Дехас

– А меня могут вылечить?

– Хм-м-м. К халтам и обращаться не стоит, а вот к драко можно попробовать, раз уж мы так и так идём в Са-Ан, точнее не смогу сказать, у меня нет дара целительства.

– А какой у тебя есть дар? – не отпускал дракона Славик.

– Я огневик, мне подчиняется огонь.

– О! Круто! – воскликнул сын, – а почему тогда ты изумрудно-золотой, а не красный?

– С какой стати я должен быть красным? – удивился Дехас.

– Во всех фантастических книжках пишут, что огненные драконы всегда красные, водные – синие или голубые, коричневым подвластна земля, песочным и жёлтым – воздух, зелёным – растения и целительство.

– Интересное у вас разделение, – весело хмыкнул дра-

кон, – на самом деле в каждом драко намешано очень много способностей, но только одна или две из них самые сильные. А чтобы окраска зависела от дара, я слышу впервые, наша расцветка абсолютно не имеет отношения к дару, она больше зависит от окраски родителей.

Славик задумался, а дракон продолжил своё занятие. Зайдя в ручей, он сначала лёг на один бок, погрузив крыло в воду, через некоторое время повторил то же самое с другим крылом. Видимых изменений я не заметила, но дракон предупредил, что залечивать крылья придётся долго.

– Таяна, ты не могла бы мне помочь? – через некоторое время пробасил дракон.

– Что я могу для тебя сделать?

– Я сам не могу полностью смыть кровь со своей чешуи, будь добра, помоги мне с этим.

– Ладно, только отвезу сына завтракать.

Я отвезла Славика ко вчерашнему кусту с жимолостью, он, повздыхав, начал есть, а я отправилась помогать Дехасу. Пришлось задействовать траву, буйно растущую кругом, используя её вместо мочалки. Когда последнее багровое пятно на чешуйчатой шкуре дракона было отмыто, я уже сама была с ног до головы мокрая и прилично замерзшая.

– Ты чего трясешься? – поинтересовался дракон, когда я выбралась из ручья на берег.

– Так-то замёрзла, я всего лишь человек, а не драко с огненной кровью.

– А-а-а-а-а, – протянул дракон, – сейчас исправлю, – и приблизил ко мне свою громадную голову, на ходу приоткрывая пасть с внушительными зубами.

Я шарахнулась в сторону, намереваясь бегством спасти свою шкуру, но дракон на меня рывкнул:

– Стой смирно, а то спалю!

Он это сказал так, что у меня отпали все сомнения. Действительно спалит, если дёрнусь. В безвыходном положении я замерла на месте и зажмурилась, не желая видеть, от чего придёт моя смерть. Но смерть не пришла, вместо этого меня овеяло тёплым, почти горячим воздухом при соприкосновении с которым ткань платья, а затем и нижнего белья моментально потеряла всю влагу, став абсолютно сухой. Осознав, что в этот раз смерть меня миновала, я медленно открыла глаза.

– Так лучше? – поинтересовался дракон.

– Значительно, – ощупав себя руками, согласилась я.

– Чего бежать-то собиралась?

– Испугалась, – не стала привирать я, – у тебя очень пугающие зубы, того и гляди, что голову откусят.

– Ну и мысли в твоей голове! Это же надо такое придумать! – стал возмущаться Дехас.

– Хочешь сказать, что зубы и когти у тебя для красоты, и ты ими по назначению не пользуешься?

– Не скажу, пользуюсь, ещё как пользуюсь, мы драконы всё-таки не вегетарианцы, питаемся мясом. Не бледней так!

Мясом исключительно животных, а не халтов.

– А людей? – робко спросила я.

– Тьфу на тебя, – дракон шумно сплюнул себе под лапы, – привыкни уже, что для меня люди и халты одно и то же!

– Попробую, – честно глядя в черный вертикальный зрачок Дехаса ответила я.

– А вы, люди, питаетесь только ягодами? – махнул он хвостом, как рукой в сторону куста жимолости и Славика.

– Нет, мы всеядные, просто поблизости тут ничего съедобного нет, приходится довольствоваться ягодами.

– Ладно, придётся и на вашу долю добычи принести. Я сейчас пойду, поохочусь, а то на голодное брюхо путешествовать я не нанимался. Да и пешком придётся топтать. Вот где это видано, чтобы драко, рождённые летать ходили по земле, будто простые ящерицы.

На это я только развела руками, а дракон кивнув своим мыслям, развернулся и, переваливаясь с лапы на лапу побрёл в гущу леса. Он будто не замечал ломаемых его большим телом кустов и молодых деревьев, дракон обходил только мощные старые деревья, своими толстыми корнями крепко держащихся за землю. Ещё долго был слышен хруст и треск ломаемых веток. Вот как можно с таким грохотом охотиться? Он так даже мышь поймать не сможет, не то, что животное покрупнее, думала я, умываясь в ручье.

Я присоединилась к сыну, он уже наелся, и теперь ждал пока поем я.

– Мам, значит, мы сюда попали, потому что умерли дома? – спросил сын и меня мучающий вопрос.

– С чего ты это взял? – хотела отвертеться от ответа я.

– Мам, не надо, я слышал ваш разговор. Я не маленький, я всё понимаю, – сказал сын, глядя на меня пронзительными серыми глазами.

– Я не знаю, Славик. Ты же сам видишь, что я об этом месте ничего не знаю, собираю крохи знаний из слов дракона. Но мне очень хочется верить, что сюда мы попали по ошибке и у нас будет возможность вернуться домой.

– Уже не считаешь всё происходящее сном? – с чувством собственного превосходства поинтересовался он.

– Нет, все сомнения развеялись тем же самым драконом, и угораздило его свалиться именно нам на головы, будто других мест в этом мире нет.

– Это всё не случайно, кто-то хотел, чтобы мы встретились.

– Знакомая теория. Я тоже думаю, что случайных случайностей не бывает.

– Что мы теперь будем делать?

– Будем жить, с другой стороны у нас теперь есть защитник, пока он не выполнит свою клятву, будет нас защищать и сопровождать. Трудно сказать, что бы нас ожидало, встретить мы сначала этих самых халтов. Дракон о них не очень лестно отзывался, скорее даже совсем не лестно.

– Наверняка они это заслужили. Вот если бы тебя пыта-

лись убить, ты бы как отзывалась о своих врагах?

– Ты считаешь, что это халты так уделали дракона?

– А кто ещё? Он же сам сказал, что в этом мире две разумные расы – драко и халты, драко явно не используют стрелы, такими как у Дехаса лапами это просто невозможно сделать, остаются только халты.

– Эх ты, специалист по оружию! – ласково потрепала я сына по голове.

– Ты сама бы прошла столько игр, сколько я! Я даже драконами играл, и основным их оружием был либо огонь, либо ветер, либо вода, но никак не что-то самодельное.

– Уволь меня от подробностей, – отрицательно замахала руками я, – я не люблю стрелялки, убийства и ужасы. Это вам, мальчишкам такое нравится.

– А девочки любят феечек, принцесс и единорогов?

– Почти так, это лучше, чем войнушки.

– Войнушки – это реальное положение вещей, а вот феи, единороги и прочее всего лишь выдумки.

– Ай! – вдруг вскрикнул сын и схватился рукой за правую щёку.

– Что случилось? – забеспокоилась я.

– Меня кто-то ударил! – заявил Славик.

– Но тут ровным счетом никого нет, – развела руками я, хорошенько оглядевшись.

– Феи существуют! – тонким голоском заявило миниатюрное создание с яркими красными крыльями, в точности как

у бабочек, – у нас, на минуточку, есть целый свой собственный мир. А вы просто невежи раз такого не знаете! – ругалась красноволосая девушка, росточком не больше тридцати сантиметров.

Она зависла в воздухе, взмахивая своими яркими крыльями и с негодованием сжимая крохотные кулачки. Я слушала её по стольку поскольку, меня больше интересовала она сама. Я замороженно рассматривала её алое, длиной чуть ниже колен платье с разрезами по бокам до середины бедра. Её кукольное личико не несло на себе ни намека на морщинки, фигурка – просто мечта любой женщины. Я всё больше убеждалась, что это фея и что она совершенно настоящая, я даже протянула в её сторону руку, намереваясь потрогать, но она исчезла так же внезапно, как и появилась. Не улетела, не отпрыгнула в сторону, а именно растворилась в воздухе, будто её никогда не было и в помине.

Славик сидел с приоткрытым ртом и широко распахнутыми глазами, уставившись в то место, где ещё несколько секунд красовалась феечка.

– Настоящее чудо! – восхитилась я, – никогда не думала, что они на самом деле не выдумка. Малюсенькие, прямо как фея Динь-Динь из мультфильма «Питер Пэн».

– Ты разве не слышала, что она сказала?

– Да я почти ничего не слышала, настолько была поражена её внезапным появлением.

– Зря, оказывается они ростом обычно такие же, как и мы,

но для экономии времени и волшебной пылицы они уменьшают свой размер, когда нужно совершить длительные перелёты.

– Неужели за какую-то короткую минуту она успела тебе об этом рассказать?

– Ага, – улыбнулся сын, – она ругалась, думая, что если она маленького роста, то её слова никто не хочет воспринимать всерьёз.

– Она случайно не сказала, как она может появляться прямо из воздуха и так же в нём растворяться?

– Нет, не успела или не захотела.

– Да и ладно, всё равно, она своим появлением разбавила мрачную и тоскливую обстановку.

– Беру свои слова обратно, феечки – это круто, а злые феечки – это высший класс!

– Да уж, – рассмеялась я, – быстро ты меняешь своё мнение.

– Мой мозг пластичен и подвижен, я всегда открыт новому!

– И где только ты таких слов нахватался, – закатила глаза я.

– Где-где, в интернете, всё оттуда.

– Может и мне стоит там постоянно сидеть, как делаешь ты, тогда и я буду супер умной?

– Неа, ещё нужен талант! – назидательно поднял вверх указательный палец Славик.

– Ты хочешь сказать, что я бездарна?

– Нет, просто, у тебя другие таланты.

– Утешил, – хмыкнула я.

Я хочу пить и в кустики, – пожаловался Славик, да я и сама была не прочь посетить вышеупомянутое место.

– Поехали тогда, что сначала: пить или кустики?

– Пить.

– Едем пить.

После завершения всех необходимых процедур мы с сыном устроились на берегу ручья.

– Я с тобой так силачкой стану, – похвасталась я.

– Почему?

– Да я тебя так часто на руках давненько не таскала, наверное, со времён, когда ты был совсем малышом.

– Я совершенно ничего не помню из того времени.

– Об этом редко кто что-то помнит. Вот я своего раннего детства тоже не помню, тем интереснее слушать о былом. Только мне уже некому рассказать смешные истории, – взгрустнула я, вспомнив о маме.

– Не раскисай! Если это и есть тот самый Рай, то мы должны тут встретить и папу, и бабушку, и даже деда.

– Ты думаешь?

– Знаю, – уверенно отозвался сын.

– А может, тогда ты знаешь, где их искать?

– Чего не знаю, того не знаю, врать не буду.

– Как будто я тебя заставляю врать!

– Нет, но ты хочешь обрести прочную надежду, а я не могу тебе этого дать.

– Сынок, это я должна тебя подбадривать и давать надежду, ведь я твоя мама.

– Да, но я в семье единственный мужчина и именно я в ответе за нас.

– Как я счастлива, что ты у меня есть, – встав на колени, я обняла сидящего в коляске сына.

– Ты самая лучшая мама на свете, и что бы не случилось, знай, я никогда не хотел бы иметь другую.

Если бы у меня были слёзы, я бы заплакала, но слёзы у меня кончились давно, душа трепетала и беззвучно рыдала, а я не могла выдавить из себя ни одной слезинки. Глаза оставались сухими, запечатывая в груди чувства, не давая им вырваться наружу и облегчить мои страдания. Вид плачущего человека вызывает сострадание, печаль, грусть, но самому человеку после слёз становится легче, будто это не простая солёная вода, а волшебный эликсир, в своём составе имеющий обезболивающее средство для души. Как и почему произошло, что я перестала плакать – без понятия, я не искала этому феномену научное объяснение, оно мне было ни к чему. Первое время я радовалась, что перестала ходить с заплаканными от постоянных слёз глазами и опухшим красным носом, но со временем пришла к выводу, что я больше не могу достичь хотя бы временного облегчения, какое давали мне слёзы.

– Что мы будем делать дальше? – поинтересовался сын, когда я от него смогла отстраниться и сесть рядом.

– Пока будем ждать дракона, пока что он единственное существо в округе, вносящее хоть какую-то ясность в происходящее.

– А мне он понравился, – мечтательно произнёс сын.

– Ещё бы! Он всё-таки настоящий дракон, а не какая-то ящерица, – передразнила я манеру разговора Дехаса.

– И смешной, – улыбнулся своим воспоминаниям Славик.

– Как по мне, так ничего смешного я в нём не вижу, наоборот он меня временами пугает резкой сменой своего настроения.

– А разве не зубами? – хитро прищурил глаза сын.

– Всё-то ты заметишь! Согласись, они у дракона внушительные.

– Да, но он милый и похоже добрый.

– Не понимаю, как эту огромную зверюгу можно назвать милым?

– А как тигров и жирафов называют милыми?

– Не знаю, – сдалась я, – я восхищаюсь этими животными, уважая их силу, мощь, грацию и звериную красоту.

– Но на дракона почему-то ты так же не смотришь.

– Был бы он простым животным, воспринимала бы как бегемота или носорога, но он разумный. Мне трудно соотнести звериную внешность Дехаса с человеческим разумом. Не привыкла я к говорящим животным, хоть и «Хроники

Нарнии» смотрела не на один раз. Вот и получается, что я к нему отношусь, то как к животному, то как к человеку, в зависимости от того, говорит он или молчит.

– Любопытное у тебя восприятие. Я отношусь проще, воспринимаю его как равного, для меня совсем неважно какая у него внешность – человеческая или звериная. Разум на то и разум, чтобы стирать границы предубеждений.

– Ничего себе ты завернул! Не буду даже спрашивать, где ты таких выражений набрался.

– И не стоит спрашивать, ответ ты и так знаешь.

От разговора нас отвлек знакомый треск ломаемых веток. И в этой ситуации я не решаюсь определить, кому приходится сложнее: деревьям и кустам или же самому дракону. Хруст веток усиливался и приближался, мы со Славиком повернули головы на звук в ожидании, когда уже меж зелёных зарослей мелькнет золотая с изумрудными разводами чешуя. Долго ждать не пришлось, массивная фигура всё чаще мелькала в глубине леса, довольно быстро приближаясь. Наконец и знакомая морда появилась из-за ближайших деревьев, в то время как тело доламывало мешающие ему выбраться к нам кусты. В зубах он нёс что-то пернатое рыже-коричневого окраса. Добравшись до нас, дракон шумно выплюнул мне под ноги свою добычу.

– Дехас! – вскричала я, отпрыгивая в сторону, – что это?

– Что-что, – возмутился дракон, – еда, разумеется! На ягодах вы долго не протянете.

– Мам, это обычная курица, – сказал Славик, бесстрашно разглядывая тушку.

– Но откуда в лесу обычные курицы? Не припомню, чтобы они свободно разгуливали по лесам.

– Ха! Конечно, не разгуливают, я их у халтов позаимствовал.

– Их?

– Ну да, я сам должен был позавтракать или нет? – плюхнулся на попу дракон, оббив свои лапы, как делают кошки, мощным толстым хвостом.

– Иди уже разделявай, – распорядился он, как зубочисткой выковыривая когтём передней лапы мелкие кусочки плоти и перьев из своих зубов.

Я стояла, не двигаясь с неким отвращением уставившись на убитую драконом курицу. Я ни разу в жизни не разделявала туши и вообще не знаю, с какой стороны к ней подойти. Мне случалось видеть на улице дохлых птичек и раздавленных машинами голубей, но притрагиваться к ним у меня и мысли не возникало, а сейчас получается, что я должна брать мертвую курицу руками и копать в её внутренностях. От этого меня просто передёрнуло, я не деревенская баба, умеющая собственноручно курам головы откручивать, мне их, в конце концов, даже жалко.

– Что стоим? Кого ждём? – спросил дракон с такой интонацией, что у меня тело покрылось мурашками.

Именно так частенько говорил мой муж, это была одна из

его любимых фраз. Я не нашлась, что ему на это ответить, поглощённая разом нахлынувшими воспоминаниями и образами из прошлой жизни.

– Эх, женщины! – страдальчески закатил глаза Дехас, подцепляя лапой тельце бедной курицы и подтаскивая к себе поближе.

Глава 7

Я сильно не пыталась разглядеть, как Дехас разделявает курицу, только заметила, что он действует чёткими отлаженными движениями, будто мясник на рынке.

– На, иди, помой мясо, а я его пожарю. Сырое вы ведь есть не станете? – сказал дракон, указывая мордой направление.

– Сырое мы точно не едим, – ответил вместо меня Славик, – а как ты его будешь жарить?

Я со вздохом, нехотя поплелась к указанному драконам месту за мясом, параллельно прислушиваясь к разговору.

– На огне буду жарить, как ещё-то? – несколько растерялся Дехас, явно не ожидая подобного вопроса.

– А огонь где возьмёшь?

Я уже доковыляла к воде с разделанной и вываленной в траве куриной тушкой, восхищаясь мастерством такого огромного и, казалось бы, неуклюжего дракона. Он умудрился своими, мало приспособленными к ювелирной работе лапами, аккуратно снять с курицы кожу, предполагая, что вместе с перьями сразу.

– Вот чем ты слушаешь? – притворно возмущался за моей спиной дракон, – я же говорил, что я огненный дракон, огонь – моя стихия, и я владею ей в совершенстве.

– Так уж и в совершенстве? – с немалой долей сомнения

переспросил сын.

– Разве я давал повод для подобных сомнений? – вопросом на вопрос ответил Дехас.

– Не давал, но и не показывал свои совершенные умения в части владения огнём, – не сдавался сын.

Я обмывала в ручье мясо и боковым зрением следила за спорщиками, Дехас сейчас был больше похож на взлохмаченного петуха в боевой стойке, он поднял свои чешуйки на спине и шее всем своим видом желая показать свою важность и значимость. Только вот на Славика такая демонстрация не особо производила впечатление.

– Что за молодёжь нынче пошла? Ничему не верят! Почему я, представитель древнего рода драко должен доказывать мальцу свои умения? – разорвался дракон.

– Наверно, потому что тебе этого самому хочется, – встала я на защиту сына, – наверно не часто приходится удивлять людей.

– Людей вообще не приходилось, – сделав задумчивый вид, стал рассуждать Дехас, – халтов удивить не успеешь, они либо нападают, либо разбегаются, дрожа от страха, а драко все привыкли к магической силе.

– Ты сам ответил на свой вопрос, – подавив довольную улыбку, сказала я, – курицу помыла, можно жарить.

– Неси сюда, как раз покажу чудеса мальцу и приготовлю вам завтрак.

Я с нехорошим подозрением отдала Дехасу тушку, в уме

не представляя как на открытом огне можно приготовить мясо и при этом его не спалить. Дракон же надел курицу на собственные длинные когти, как на вертел, покрутился вокруг, подыскивая место. Почти утопав всю небольшую полянку, смог наконец-то определиться и со всего маху хлопнулся на попу.

– Я смотрю, он не заморачивается аккуратностью, – шепнула я на ухо сыну.

Славик хихикнул, но отвечать не стал, улавливая каждое движение дракона. А Дехас играл на публику, будто укротитель огня под куполом цирка и перед огромной толпой народа. С умным выражением он поднял повыше лапу с нанизанной курицей, осмотрел с деловым видом её со всех сторон, отстранился, дыхнул носом две струи дыма, потом несколько секунд пускал дымовые кольца, будто заядлый курильщик. Проделав всё это, он решил снова вернуться к мясу и уже из пасти выдувал на него явно горячий, иногда с точками искр, воздух, лениво поворачивая курицу разными сторонами.

Славик огорчился, он приготовился к незабываемому зрелищу, а тут уже минут десять дракон однообразно поджаривает мясо.

– Не переживай, – опять шепнула я сыну, – наверняка будет после ещё что-нибудь интересное.

Ещё минут через двадцать дракон сменил тактику, увеличив в своём дыхании количество искр, они словно живые звёздочки хаотично вылетали из пасти дракона и гасли, не

успев коснуться мяса или же земли. Курица стала заметно подрумяниваться, покрываясь аппетитной корочкой и посылая к нашим носам свой умопомрачительный аромат. Не думала, что прожив, всего лишь сутки на ягодах, так сильно начнёшь любить мясо. Дехас любовно продолжал жарить курицу, не обращая на нас ровно никакого внимания. Мой рот быстро наполнялся слюной, так что я не успевала сглатывать. Казалось бы, ну чего дракон так долго тянет? Видно же, что мясо готово, а он продолжает выискивать в нём какие-то не равномерно поджаренные места и продлевает тем самым нашу со Славиком пытку.

– Вроде всё, – довольно кивнул сам себе дракон, – пусть остывает, а я ещё потешу мальчика, а то гляжу ему этого мало.

– Угу, – согласился с ним сын, по-моему, даже забыв на время о курице.

Я о курице, конечно же, помнила, но держала себя в рамках приличия. Прижимая руки к животу, я пыталась сдерживать явственные подвывания желудка, потревоженного запахами близкой еды. Славик же во все глаза смотрел на дракона, выпрямив спину и замерев в положении натянутой струны. Его белые тонкие руки обхватывали подлокотники кресла, поддерживая наклонённое вперёд тело. Его лицо выражало сосредоточенность и некоторую нетерпеливость. Я больше смотрела на сына, чем на дракона, мне интересней было наблюдать за эмоциями ребенка, чем за представлением Дехаса. Сам собой в моей голове возник вопрос о том, что

ожидание чуда в моей душе уже умерло, а я даже этого не заметила. Складывалось впечатление, что в какой-то момент я переключилась на сына, и получала радость только через его эмоции. Радостно сыну – радостно и мне, печально ему – печальней мне, причём в несколько раз больше.

Со вздохом я оторвала взгляд от Славика и повернулась к дракону. Дехас стоял на задних лапах, вытянувшись к небу во весь свой гигантский рост. Его фигура была прекрасна, сложно описать свои впечатления относительно тела животного. Но это был дракон с большой буквы – изящно выполненное мускулистое тело, покрытое чешуёй. В нем не было ни одного недостатка, он сильный, мощный, быстрый, да к тому же умеет летать. Картину портили только его голые оборванные крылья, но даже так он был впечатляющий. Человеческое тело способно лишь на сотую часть всего того, что может дракон. Мне всегда нравились драконы, я по нескольку раз пересматривала фантастические фильмы, вживаясь в роль героев, имеющих такую счастливую возможность лицезреть и управлять целым огромным драконом.

Дехас же выплюнул в небо огненный шар, затем ещё один и ещё. Он выпускал в небо огненные шары один за другим, но они не падали обратно, на землю, как мячики, а висели в воздухе, мерно покачиваясь, будто зажжённые китайские фонарики. Их свет мягко опускался на поляну, придавая ей вид тонушей в лучах софитов сцены. На лице сына, освещённого шарами, проявилась, наполненная тихой радостью,

улыбка. Дракон перестал выпускать шары, и мельком глянув на нас, превратился в подобие фонтана, только вместо воды из его пасти вырывался поток искр. Дехас будто палочка бенгальского огня вокруг себя выпускал искры, что падающими звездочками сгорали и гасли, не успев коснуться земли.

– Как он не обжигается? – шёпотом спросил меня Славик, неотрывно глядя на импровизированную сцену.

– Это волшебство, сын, а оно необъяснимо с точки зрения наших знаний, – пожалала плечами я, будто, Славик, устремивший всё своё внимание только вперёд, заметит мой жест.

Дракон уже показывал новые способности, он, словно язык, высунул из пасти длинный огненный жгут. Собственно, он им и действовал, как будто это вовсе не огонь, а его собственные лапа или хвост. Дехас протягивал жгут к траве, и она тут же обугливалась, превращаясь в горячий пепел. То же делали листья и ветки деревьев, которых касался дракон. Я, было, подумала, что он решил испепелить всё кругом, когда дракон в момент развеял свой подвижный огненный язык.

– Ещё? – спросил Дехас, одним глазом косясь на нас, своих восхищённых зрителей.

– Да! Да! – захолопал в ладоши Славик.

– Ну, тогда держитесь! – возвестил дракон и, подняв правую переднюю лапу вверх, стал ею делать круговые движения, словно помешивает в небе суп.

Подвластные желанию дракона огненные шары стали за-

кручиваться в воронку превращаясь в смерч из крутящихся шаров. Эта импровизированная воронка стала двигаться по поляне, оставляя за собой черный след из сожжённой травы. И всё бы ничего, но почему-то именно такое варварское отношение к траве меня возмутило и заставило выкрикнуть:

– Дехас! Не жги траву, ей больно!

Тот с неким удивлением на меня посмотрел и молча заставил свой огненный смерч приподняться над травой и раскрутиться в обратном направлении, высвобождая из плена воронки отдельные огненные шары. Обретя свободу и ускорение, шары уносились высоко в небо, исчезая в низкой пелене облаков.

– Ну, мама! – укоризненно, протянул Славик, – зачем ты испортила такое представление!

– Мама права, вмешался Дехас, вам пора уже съесть курицу и будем отправляться в путь, пока местные халты не пронюхали, что у них под боком остановился драко, да ещё и нелетающий.

Славик промолчал, он всегда был послушным мальчиком, очень редко когда спорил со мной и отказывался выполнять мои пожелания. О том, что при этом творилось у него внутри, оставалось только догадываться, он сам никогда не раскрывал этой тайны.

– Ешьте, – махнул массивной мордой на длинной шее дракон в сторону курицы, – я пока пойду отращивать крылья в ручей.

Я тоже не стала спорить, и пошла за предложенным угощением, у меня на душе скребли кошки, вот кто меня за язык дёрнул и заставил дракона остановиться? Ведь я видела, насколько Славику нравилось смотреть за ним. Я в какой-то момент словно услышала крик боли этой самой травы. Бред? Да, сама понимаю, что бред, но больше слышать подобные крики мне не хотелось.

Мясо было изумительной прожарки, сочное, хорошо прожаренное и ещё тёплое. Только вот есть без соли его было почти невозможно. Мясо казалось пресным и безвкусным. Я через силу впихивала в себя невкусные кусочки, понимая, что есть всё равно нужно. Сын ел молча, даже не высказал по поводу вкуса ни одного слова, наверняка обиделся. От этого понимания на душе становилось ещё более невыносимо, смутная вина терзала и не давала покоя.

Дракон плюхался в ручье, пытаясь хорошенько смочить крылья, но ему это не особо хорошо удавалось, всё-таки ручей был слишком мал, не рассчитан под габариты драконов. Кусок в моё горло совсем не лез, и я перестала насиловать свой организм. Вместо этого встала, подвязала повыше колен подол своего длинного платья, скинула обувь и пошла, помогать Дехасу.

– Эй, – крикнула я на ходу, привлекая внимание дракона, – может тебе помочь?

– А ты уже закончила трапезу? – спросил дракон, оборачиваясь и протягивая шею ко мне.

– Да, закончила, – с небольшим сомнением согласилась я.

Морда дракона была совсем рядом, я могла её коснуться, лишь протянув вперёд руку. А мне хотелось погладить чешуйчатую кожу, ощутить под пальцами гладкую чешую, с несколько острыми краями. Ну, хоть какие-то желания исследователя проснулись – хмыкнула я своим мыслям.

– Тогда помоги, – согласился дракон, укладываясь на левый бок.

Ручей был холодный, но неглубокий, редко в каких местах он доставал мне до колена. Добравшись в пару шагов до места, откуда росли у дракона крылья, я зачерпнула, сложив лодочкой ладони, живую воду и вылила на оголенные кости крыла. На моих глазах они не стали затягиваться кожей, но Дехас наверняка лучше знает, что ему поможет, а что нет.

Закончив с водными процедурами, я выбралась на берег, платье сохранить сухим мне не удалось, я несколько раз пролила на него воду, но для дракона это была не проблема, он одним своим горячим дыханием высушил мою одежду и согрел весьма продрогшие ноги. Славик давно закончил есть, и, подперев подбородок рукой наблюдал за нами.

– Что, малец, заскучал? – своим грудным голосом спросил Дехас.

– Есть немного, плохо, что в вашем мире нет компьютеров, без них мне скучно.

– Может и есть компьютеры, только называются по-другому, – задумался дракон.

– Я уверен, что нет. У вас вместо компьютеров волшебство есть, вот вам и не скучно, а мне что делать вот с этим? – сын с отчаянием стукнул по недвижимым ногам кулачком.

– Эй, парень, не переживай, вот доберемся до города драко и повелитель наверняка поможет справиться с твоим недугом, ты только потерпи немного.

– Я не верю! – вскричал сын, – я не верю, что хоть что-то может мне помочь! Я загадал оказаться в волшебном мире, я думал, что волшебники меня вылечат, и я снова смогу ходить. Но нет, это всё ерунда! Вот ты волшебник, а вылечить меня не можешь, значит всё напрасно и бесполезно! Я навсегда останусь таким – беспомощным и ущемленным, но я не хочу! Слышите? Не хочу так жить! Лучше бы я погиб вместе с папой, чем жить так. Это не жизнь, это существование!

Славик кричал, по его лицу текли крупные прозрачные слёзы, моё сердце разрывалось от слов сына. Сейчас из него вырывалось всё то, что он так долго в себе носил и никому не говорил. Он жалел меня, меня – взрослую женщину! Как же я допустила, что за своими страданиями не видела страдания ребенка, считая, что все у него нормально, что он смирился со своим положением инвалида!

Я бежала к нему не чувствуя под ногами землю, в носу предательски щипало, глаза болели, но слез не было, их по-прежнему не было.

– Тише, тише, – пыталась я успокоить сына, сжимая его в объятьях, но тот отталкивал меня и вырывался, он сейчас

как никогда чувствовал себя одиноким и беспомощным, а я не могла ему помочь, я не могла пожертвовать собственными ногами, чтобы он стал ходить.

Да если бы только была такая возможность, я поменялась бы с сыном местами, я уже пожила, почти прожила свою жизнь, а Славик только начинает жить, за что ему такие муки и испытания?

– А ну хватит распускать нюни! – гаркнул дракон, – ты мужик или красна девица? Я тебе обещаю, что сделаю всё возможное и невозможное для того чтобы поставить тебя на ноги! Вы с матерью прошли такой долгий путь в наш мир и ты, не дойдя до конца, уже решил сдаться? А я думал, что ты сильный и стойкий, а ты оказывается слабый и неспособный!

– Он всего лишь ребенок! – встала на защиту своего сына я, – на такую силу не способно большинство взрослых, а ты хочешь, чтобы ребенок смог выдержать такое испытание воли и не дать слабину? Да Славик за всё время после аварии никогда, понимаешь, никогда подобного не говорил, он держался, улыбался и всегда поддерживал меня, не давая скатиться в бездну от горя.

– Мама, хватит, – спокойным холодным голосом вдруг сказал сын, – Дехас прав, до окончательного диагноза осталось совсем немного и я справлюсь. Я всегда справлялся, справлюсь и сейчас.

– Вот! – довольно сказал дракон, – это уже слова настоящего мужчины!

– Мне отец тоже так всегда говорил.

– Правильно говорил, а где он, кстати? Остался в вашем мире?

– Нет, он умер. Уже три года как умер.

– Ты это... прости, я не знал, – сконфузился дракон.

– Ничего, я привык к таким вопросам.

Я не поняла такой резкой перемены настроения сына, то он ударился в панику, то под влиянием довольно грубых слов Дехаса успокоился, при этом отмахнувшись от меня. Я даже ощутила значительный укол ревности. Я не привыкла делить внимание сына с кем-то посторонним, тем более даже не с человеком. Похоже, что ему нужна твёрдая мужская рука больше, чем моя слепая опека.

– Собирайтесь уже, да пойдём, – поторопил в очередной раз дракон.

– Нам собирать-то нечего, – буркнула я, срывая неподалёку широкий зелёный лист, задумав завернуть в него остатки курицы.

– Тем лучше, – бодро возвестил дракон, тогда в путь!

Дехас вразвалочку потопал вдоль ручья, даже не оглянувшись на нас. Я завернула мясо в лист, вручила сыну импровизированный кулёк и взялась за ручки коляски. Коляска двигалась с великим трудом, дракон уже далеко от нас ушёл, я не пыталась его догнать, мне было это явно не под силу. Вы видели колёса инвалидной коляски? Для тех, кто не видел, поясню – они большие, как у велосипеда и со спицами, вот

именно в эти спицы и попадали стебли травы, переплетаясь с железом спиц и между собой. Мне приходилось прилагать усилия, чтобы оторвать траву, а то и выдрать вместе с корнями. Славик пытался сам крутить колёса, но и у него ничего путного не выходило.

Спустя пару адских часов наш провожатый решил-таки посетить нас, удостоверится так сказать, что мы идём.

– Чего вы так ползёте? – недовольно спросил он, вернувшись к нам.

– А ты сам посмотри на колёса, – со злостью заявила я, – как по такой траве можно ехать! Коляска не предназначена для передвижения по пересеченной местности.

– Хм! – почесал когтём свой костяной гребень на голове дракон, что ты мне раньше об этом не сказала?

– А кому бы я это сказала? Твоей быстро смотавшейся попе или ручью с живой водой? – совсем обозлилась от усталости и непонятливости дракона я.

– Ладно, не кипятись Таяна, ты не огненный дракон, выпустить пламя всё равно не получится.

И, по его мнению, это должно было меня успокоить? Я надулась как ёрш, но больше не стала ничего говорить, не хотелось портить отношения.

– Придётся мне вас везти, – вслух размышлял дракон, – только вот как коляску тащить? Может её оставить тут?

– Вот ещё! – фыркнула я, эта коляска дорого стоит, я не смогу купить новую, когда мы с сыном вернёмся домой.

– Если вернётесь – еле слышно выронил Дехас.

– Это что ещё значит? Почему мы можем не вернуться? – зацепилась за его слова я.

– Вдруг захотите остаться, – ответил Дехас, но мне показалось, что имел ввиду он совершенно другое.

– Зато моя коляска складывается, – сказал Славик.

– Не знаю, как это нам может помочь, но всё равно спасибо за информацию, – наполовину прикрыв кожистые веки, кивнул Дехас.

– Я тоже не знаю, каким образом на тебе можно ехать, да и как забираться, – задумчиво глядя на выгнутую спину дракона, произнесла я.

– Всё предельно просто! – бодро заявил Дехас, – залазите мне на спину и сидите там, а я в это время иду.

– Хорошо, что у тебя этот костяной нарост идёт только по шее, заканчиваясь перед лопатками, а то бедные наши пятые точки, – я неосознанно погладила свою эту самую пятую точку.

Славик громко захихикал, а дракон, по-моему, так ничего и не понял.

– Не мешкайте, забирайтесь уже, поговорить и по дороге успеем, – скомандовал дракон, укладываясь на траву.

Я честно подкатила Славика к чешуйчатому боку Дехаса, и даже вытащив его из коляски, попыталась посадить на спину дракона, но у меня не получилось. Хоть Дехас и лёг, но по-прежнему остался довольно высоким. Пусть теперь он

возвышался над землёй не больше, чем обычная земная лошадь, но поднять сына на такую высоту я не смогла. Руки у меня довольно сильные – накачались от поднятия двадцати семи килограмм, которые весил сын, но не достаточно, чтобы поднять этого самого сына на высоту поднятых рук.

Дехас пыхтел, ёрзал, старался как можно лучше прижаться к траве, но опять же безуспешно.

– Что ж, – не выдержал дракон, поднимаясь с травы и отряхиваясь как собака, – попробуем по-другому!

С этими словами он обхватил своим длинным гибким хвостом туловище Славика, он после последней попытки так и остался у меня на руках, и легко, но осторожно Дехас его перенёс на свою спину. Дождавшись, когда сын руками перекинет свою правую ногу на другую сторону драконьей спины, оседлав её, он бережно размотал хвост, убрав захват с талии мальчика.

– Вау! Это так здорово! – воскликнул Славик, оглядываясь кругом, – мам, забирайся скорей, тут так всё хорошо видно!

– А сразу нельзя было так сделать? – с укором во взгляде спросила я дракона.

– Хорошая мысль, приходит опосля, – только и ответил он мне на вопрос.

Я неодобрительно покачала головой и, переложив с кресла свёрток с курицей на траву, сложила её. Особо компактной коляска не стала, скорее из объёмной превратилась в

плоскую.

– Вот это уже лучше, – одобрил Дехас, обхватив коляску хвостом и поболтав ею в воздухе, будто взвешивая.

Дракон положил коляску на землю, а я наоборот взяла в руки курицу и обдумывала, как сама смогу забраться на такую высоту. Мои сомнения и размышления прервал Дехас, он не церемонясь, обвил мою талию, и уже через пару секунд я оказалась подвешенной в воздухе. Испугаться я не успела, всё произошло слишком быстро, опомнилась я уже сидя на жёсткой спине дракона, так и вцепившись обеими руками в импровизированный кулёк.

– Поехали! – возвестил дракон за секунду перед тем, как тронуться с места.

Естественно я была совершенно не готова и чуть не полетела с этой самой спины обратно на землю. Спасли меня драконьи крылья, за которые я успела зацепиться ногами прежде, чем окончательно свалиться. Благодаря им, я даже сумела восстановить равновесие и выпрямиться. Славик сидел у самой шеи и крепко держался за костяной нарост, что проходил вдоль всей драконьей шеи.

Немного приспособившись к мерному покачиванию необычного средства передвижения я, переведя дыхание, смогла осмотреться. В первую очередь проверила, что дракон не забыл инвалидную коляску, она покачивалась в такт шагам Дехаса, заключённая в тесные объятия его сильного хвоста. Успокоившись на этот счет, я приготовилась любо-

ваться пейзажем с высоты почти птичьего полёта, но не тут то было! Мне прилетело прямо по лицу ветками одного из деревьев. Надо сказать, было неприятно на грани боли, но этим дело не закончилось, дальше ветки стали хлестать нас с сыном одна за одной – дракон по своей непутёвой привычке шёл в чащу не разбирая дороги, и ломая всё на своём пути. Сын, находясь впереди меня, первым увидел опасность и успел всем телом припасть к коже дракона, минимизируя возможные последствия. Я же, как ворона с открытым ртом сидела, крутя головой по разным сторонам и не замечая опасности. Зато теперь своим телом закрывала сына, одновременно отплёвываясь от набившихся в рот зелёных листьев. Лишь освободив рот и продолжая прижиматься к сыну, а он к дракону я обратилась к дракону:

Дехас!

– Оу! – бодренько отозвался тот, не поворачивая головы.

– Посмотри сюда, на нас! – ласково шипя, попросила я.

– А что не так? – повернул он голову назад, наконец, заметив, в каком мы с сыном по его вине оказались положении, – упс!

– Ты нас убить хочешь или для начала покалечить? Ты так пытаешься избавиться от выполнения обещаний?!

– Таяна! – недовольно воскликнул дракон, останавливаясь, – над этим нельзя шутить!

– Разве же я шучу? – несколько обескуражено сказала я, выпрямляясь и осматривая масштабы бедствия, – я на пол-

ном серьёзе говорю.

– Ты сделала неправильные и преждевременные выводы.

– Не думаю. У меня нет других вариантов, способных объяснить твой поступок.

– А о том, что я раньше вообще никого никогда не возил, ты могла подумать? Я сделал так, как делал всегда, лишь не учёл, что вам это может навредить.

– Ну да, ну да, у тебя кожа толстая как у слона, не то, что человеческая.

– Вот именно, а ты сразу бросаешься в крайности, безосновательно обвиняя меня.

– Согласись, что не совсем безосновательно, – уже оттаяв, показала я дракону на продранные в нескольких местах рукава платья и поцарапанные шею и лицо.

– Сразу предупреждаю: шить я не умею и не буду!

– А как же магия, может, ты просто подуешь, и оно само зашьётся? – с надеждой в голосе спросила я.

Дракон заржал, откровенно так заржал.

– Что? – не поняла я, – что такого я смешного сказала?

– Магии подвластны стихии, жизненные силы, но никак не неживые предметы, – отсмеявшись, ответил Дехас.

– Можно подумать я обо всём об этом должна знать! – оскорбилась я.

– Давайте уже поедem дальше, – робко подал голос сын.

– Поедем, только твоей маме теперь нужно залечить царапины в живой воде! – сказал дракон.

– Не нужно, – отрезала я, – мама вполне переживет с царяпинами до привала, если только кое-какой дракон будет лучше выбирать дорогу.

– Будет, – согласился Дехас, трогаясь с места и резко поворачивая влево наперерез ручью.

– Ты куда? – не оценила я его манёвра.

– Выбирать лучшую дорогу, – фыркнул дракон, продолжая идти перпендикулярно ручью, маневрируя между деревьями.

Глава 8

В несколько десятков шагов Дехас выбрался на знакомую нам со Славиком местность, которая действительно была похожа на идеальный рай. В принципе, по короткой траве коляска проходила без проблем, и мы вполне могли идти своим ходом, но дракон не спешил нас ссаживать, да и мы сами не напрашивались, ехать весьма приятнее, чем топтать целый день своими ногами.

Я была рада вновь оказаться под ярким дневным солнцем, настроение непреклонно улучшалось, жизнь обещала преподнести много светлого и интересного, по крайней мере, такие ощущения я испытывала сейчас. Дракон мерно шагал, переваливаясь с ноги на ногу как настоящий индийский слон, его чешуя в свете солнечных лучей блестела и переливалась, будто хрустальная или золотая. Редкие деревья, цветные бабочки, шум и гомон птиц разгоняли дневную лесную тишину. Дракон больше не пытался идти напрямик, ломая всё на своём пути, я заметила, что он даже на цветы старается не наступать. Любопытство победило, и я спросила:

– Дехас, а почему ты здесь не поступаешь так же варварски, как около ручья с живой водой?

– Я не понимаю, что ты имеешь в виду, – отозвался он.

– Ты не ломаешь деревья и даже на цветы стараешься не

наступать.

– Тут нельзя.

– Почему?

– Это сад Творца, любое повреждение повлечёт за собой наказание, а я не жажду испытать его на своей шкуре.

– Творец живёт здесь? – немало удивилась я.

– Нет, он тут не живёт, да и вообще никогда не жил.

– Тогда для чего ему этот сад и как он может наказать, если тут не живёт?

– Зачем Творцу сад никто не знает кроме его самого, а наказывать есть кому, у сада есть Хранитель.

– Это кто-то вроде садовника? – задала я вопрос.

– Хранитель – это больше чем садовник, он способен следить за каждым уголком своих владений одновременно, как будто всё кругом его собственное тело.

– А как он выглядит, этот Хранитель?

– Он может временно вселиться в любое существо или растение, думаю, своего облика у него нет, скорее он есть во всём, что растёт, бегаёт, ползает и летает в саду Творца.

– Если сад так охраняют, то почему ручей с живой водой проходит не по территории сада, а в какой-то сумеречной зоне.

– Эта сумеречная зона, как ты её назвала, и есть граница сада. В давние времена ручей с живой водой был рекой, и тёк не по территории сада и даже не по границе, а с внешней стороны, принадлежащей смертным. Но халты настолько оказа-

лись жадными и неуёмными, что своим нерациональным и попустительским отношением к живой воде разозлили Хранителя. Он тогда расширил границы, сокрыв в гуще приграничной зоны всё, что осталось от реки с живой водой.

– Получается, халты с тех пор не имеют доступ к живой воде?

– Не совсем, пройти к живой воде могут все неразумные существа и те разумные дети Творца, в ком живёт хоть одна капля магического дара, в том числе и халты.

– Но как же остальные?

– Остальным воду продают маги. Да-да, не удивляйся, халты из всего делают деньги.

– Я совсем не удивляюсь, в моём мире происходит то же самое, – действительно не удивилась я, а про себя отметила, что люди с халтами очень схожи.

– Почему мы свободно прошли к живой воде? – спросил Славик.

– Вывод напрашивается сам собой – в вас есть магический дар.

– Правда? – радостно переспросил сын.

– Точно не уверен, я не специалист в определении магического дара, но другого объяснения у меня нет.

– Этот дар я сам как-то могу почувствовать?

– Обязательно почувствуешь, когда магия в тебе проснётся, а до того момента ты будешь совершенно обыкновенным.

– Когда же магия просыпается? – с горящим взглядом до-

пытывался Славик.

– Точного возраста никто назвать не сможет, у всех магический дар просыпается в разное время, замечено только, что при сильном эмоциональном потрясении дар просыпается чаще, чем в обычном спокойном состоянии.

– Ох, – вспомнила о своём прошлом я, – в нашей с сыном жизни уже было столько потрясений, что по твоим словам мы должны были стать как минимум выдающимися магами.

– На магический уровень не влияет количество, и даже сила этих самых душевных потрясений. Собственно, наличие душевных волнений выступает только в качестве катализатора для открытия магического дара, если вы хоть что-то смыслите в алхимии. А вот сила этого самого дара больше зависит от природных данных и даже с опытом мало в чём изменяется. Можно быть старым искусным магом, но если сила дара изначально оказалась слабой, то такой она сохранится на протяжении всей жизни. Маги, конечно, по сей день пытаются найти способ или средство, с помощью которого станет возможно значительно увеличивать магическую силу.

– Совсем как поиск философского камня, – многозначительно протянула я.

– А вы и об этом знаете? – удивился дракон и даже сбился с шага.

– Видимо да, – уголками губ улыбнулась я.

– А всё-таки хорошо быть магом! – мечтательно полуприкрыв глаза проговорил Славик, – у магов жизнь интереснее,

они могут многое из того, что обычным людям недоступно.

– Не сказал бы, что от этого жизнь магов счастливее, чем у простых халтов, – пробубнил Дехас.

– У магов в руках ВОЛШЕБСТВО, можно делать необыкновенные вещи, удивлять, радовать, помогать, – не согласился с драконом сын.

– В настоящее время магией никого не удивишь, для нас это обыденно так же, как сон, еда или смерть, – не спешил соглашаться с ним Дехас.

– Не произноси слово «смерть», нам эта старуха с косой уже несколько жизней задолжала, – потускневшим голосом сказала я.

– Смерть не может никому быть должна, скорее она сама делает существам одолжение, освобождая их души от бренного, зачастую больного тела, – не внял моей просьбе дракон.

– Не трогай эту тему, – повторила я, и мой голос зазвенел сталью.

– Ладно-ладно, не буду, не злись. Если захочешь рассказать свою историю я всегда готов выслушать.

– Не думаю, что мне захочется, – тихо произнесла я, ковыряя пальцами блестящую драконью чешуйку.

Дехас приподнял и опустил остатки своих крыльев, наверно он так пытался пожать плечами. Тем не менее, беседа затухла, я погрузилась в собственные переживания, с новой силой ворвавшиеся в мои душу и сердце, хотя уже каза-

лось, горе немного отпустило. Сын замкнулся, спиной ощущающая моё состояние, а дракон... не знаю, о чём думал этот дракон, главное, что молчал и не бередил лишний раз мои раны.

– Я у тебя есть, – прошептал Славик, положив свои худенькие ладони поверх моих, придерживающих его за талию.

– Спасибо, что ты со мной, – тихо ответила я, зарываясь носом в такие родные, сладко пахнущие светлые, точно как у мужа, волосы сына.

Сердце кольнуло старой, но по-прежнему острой болью, от которой перехватило дыхание, но чёртовы слёзы, в очередной раз не пожелали появляться. Ведь пройдёт ещё немного времени и ему не будут нужны мои материнские ласки, он станет совсем взрослым и ещё более серьёзным и тогда в моей жизни не останется ничего. Мне нечем будет заполнить ту пустоту в сердце, которую занимал мой сын. Я судорожно вздохнула.

– Мам, перестань! У нас всё хорошо, даже лучше, чем могло получиться. Мы вместе, никаких нянек, работ и людей, только простор, солнце и волшебство! – тихонько тряс мои руки Славик.

– Ты прав, сыночек, ты как всегда прав. Я сейчас, дай мне минутку собраться с силами и всё будет нормально.

– Точно?

– Да-да, уже все прошло. А знаешь, когда ты был маленький, тебе очень нравилось, когда я перебирала и гладила

твои волосики, частенько ты так и засыпал. Бывало, придёшь ко мне на кровать подсунешь головку под мою руку и задрёшь, ожидая, когда же я буду тебя гладить.

– Нисколько не сомневаюсь, – ответил с улыбкой сын, – я до сих пор люблю, когда ты так делаешь.

– Да, немного огорчённо сказала я, – жаль, что гораздо реже, чем прежде.

– О! – обратил на себя внимание дракон, – скоро будет моё любимое место.

– Смотрю, ты тут частый гость, – отметила я.

– Не то чтобы частый, но бываю. Мне нравится путешествовать через сад, так меньше возникает желания у халтов меня изловить и разобрать по кусочкам.

– Ты нам так и не рассказал свою историю о том, как попал в руки халтов.

– Что это за место? – почти в один голос с сыном задали мы вопросы.

– Любопытные какие, – довольно хмыкнул дракон, – про то, как я попал в руки к халтам, я расскажу попозже, на привале. А вот место это примечательное. Вон, приглядитесь: справа стороны к нам приближается голубая змейка реки. Видите?

Я честно взгляделась в указанное головой дракона направление, даже от яркого солнца поставила ладони козырьком, защищая глаза. И вдалеке увидела-таки голубой край реки с бликующей в солнечных лучах водой.

– Видим, – подтвердили хором мы со Славиком.

– Скоро вы своими глазами увидите, что будет, мне хочется в полной мере ощутить вашу реакцию. А пока закройте глаза, для получения ещё большего удовольствия, – попросил Дехас.

Долгие несколько секунд я сомневалась, стоит ли довериться дракону, но, в конце концов, решила, что впустить в свою жизнь немного чуда мне не помешает, и закрыла глаза, кожей чувствуя припекающее тепло солнца и приносящий прохладную свежесть с реки ветерок. Дехас продолжал идти, размеренно покачивая нас на своей большой чешуйчатой спине.

Ожидание затягивалось, сильно хотелось открыть глаза, не дожидаясь этого самого интересного места, но я усилием воли сдерживала порыв, желая хоть сегодня, хоть сейчас дойти до конца, пусть и в таком незначительном деле. Зато потом это будет считаться моей первой маленькой победой над собой.

– Всё! – торжественно объявил дракон, – мы прибыли на место, можно открывать глаза!

Напоминаний больше не требовалось, я торопливо распахнула глаза и с жадностью первооткрывателя уставилась вперёд.

– Круто! – медленно, почти по слогам произнёс Славик, как и я открывший глаза и увидевший перед собой обрыв с водопадом.

Дехас стоял почти на самом краю резко уходящего вниз обрыва. Если отойти назад шагов на двадцать, то ни за что не поймёшь, что впереди, совсем рядом, такой глубокий провал. От высоты у меня немного закружилась голова, и я сильнее вцепилась в сына, как в спасительную соломинку. Слева текла та самая река, её воды падали с обрыва, донося до нас неясный монотонный гул. Мириады капель туманной завесой опускались вниз, скрывая место падения воды. На каплях воды играло солнце, создавая бледную, но хорошо различимую радугу.

– Очень красиво, – сказала я, всем своим существом впитав в душу великолепие и величественную торжественность открывшегося моему взору вида.

– Это будет и моё любимое место! – с восторгом воскликнул сын, – по телевизору водопады не так сильно впечатляют и захватывают, как в реале.

– Я бы сказала, что этот водопад создан искусственно, уж слишком странно, что посреди зелёной равнины образовался такой большой обрыв, причем он один и как-то чересчур правильный, впрочем, как и всё кругом.

– Таяна, ты меня порой ставишь в ступор! – недовольно заговорил Дехас, – нужно красотой наслаждаться, а ты сразу хочешь узнать, каким образом всё это сделано! Ну, ты же знаешь, что это сад Творца, вот он и делал тут что захотел и как захотел. Зачем лезть вглубь?

– Мне интересно, я и поделилась своим мнением, – сму-

тилась я под напором дракона.

– Как мы будем спускаться? – задал резонный вопрос Славик, ловко отводя от меня недовольство дракона.

– Обычно я перелетал и всё, да я так-то редко пешком передвигаюсь, чаще летаю.

– Но крыльев-то у тебя пока нет! – заметил сын.

– Остаётся один вариант – идти пешочком.

– Как идти? Дороги-то нет, – оглядываясь по сторонам, сказал сын.

– И правда, – хитро ухмыляясь, посмотрел на нас дракон.

Затем он сделал глубокий вздох, словно хотел вдохнуть весь имеющийся воздух, затаил дыхание на пару секунд, за которые успел повернуть голову к обрыву и с силой выдохнул воздух из своих лёгких или где он у драконов там хранится. Только воздух оказался уже совсем не воздухом, а огнём, определённо странным огнём, потому что вырывающееся из пасти дракона пламя обрело вполне осязаемые черты и превратилось в огненную лестницу, ведущую от края обрыва до самого низа.

– Вот вам и дорога, – довольно заявил дракон, глядя, как мы сидим замершие на месте с приоткрытыми от неожиданности ртами.

– Она же полупрозрачная, не настоящая, как по ней можно идти? – выдавила из себя я, неотрывно глядя на сотканную из огня невесомую лестницу.

– Эх, чудачки, это же магия, а не фокус, – покачал головой

дракон.

– Я всё равно не верю, что эта лестница нас удержит, а если и удержит, то наверняка подпалит, это всё равно, что ступить в костёр, – не теряла я своего скептицизма.

– Сейчас мы это и проверим! – бодро воскликнул дракон и без предупреждения резво ступил лапами на огненную лестницу.

Моё сердце ухнуло вниз от страха, я ещё сильнее вцепилась в сына и даже подтянула повыше ноги опасаясь обжечься. Если бы мы полетели вниз, то такие меры предосторожности меня и Славика никак бы не спасли, да и самого Дехаса тоже, крыльев у него, как ни как, новых не появилось.

– Мама! – недовольно вскрикнул сын, – я всё понимаю, но ты так меня раздавишь.

– Прости, – опомнилась я, ослабляя свою хватку.

– Ну чего ты всё время боишься? – спросил он меня, – это же полный восторг и захватывающее дух путешествие!

– Кому как. Во мне уже давно ничего не осталось от веры в чудеса, я насквозь практичный и реально мыслящий человек. Мне сложно убедить себя, что вот это, сотканное из настоящего огня сооружение способно хоть кого-то выдержать, не говоря о целом драконе.

– Не из обычного, а магического огня, на минуточку, – внёс свою корректировку Дехас.

– Не суть важно, – не особо обратила я своё внимание на это замечание дракона, – огонь он и в Африке огонь.

– Фр-р-р-р – выдохнул облачко пара Дехас, – разница огромная, из обычного огня лестницу не сделаешь и тем более не пройдёшь по ней, а вот из магического я могу делать всё что угодно.

– Я за тебя рада – огрызнулась я, до конца не оклемавшись после стремительных действий дракона.

Но тот, казалось, совершенно не замечал недовольных и резких ноток в моём голосе. Он быстро топал по магическим ступеням, весело покачивая из стороны в сторону своим внушительным хвостом.

Я оглянулась назад и в ужасе заметила, как верхняя часть лестницы уже растаяла в воздухе, стерев малейшее напоминание о своём краткосрочном существовании. Холодный пот прошиб моё тело, стоило только воочию изобразить картину таяния этой самой хлипкой лестницы под ногами дракона. Сыну я ничего не сказала, только с затаённым дыханием следила, чтобы таяние не подобралось слишком быстро, пока Дехас не достиг твердой и такой надёжной земли. Дракон же, ни на что не обращая внимания, без усталости и совершенно беззвучно топал по лестнице. Ехать в полразворота, да ещё когда и без того изогнутая дугой спина дракона весьма чувствительно наклонена вниз удовольствие не из приятных. Но я, забыв о своих физических неудобствах, гипнотизировала взглядом исчезающую в нескольких метрах за нами лестницу.

Надо отметить, что огонь хоть и горел, хоть и был горя-

чим, но не обжигал, как обычные языки открытого огня. Сын переговаривался с драконом, я особо не вслушивалась в их болтовню, но по интонациям складывалось впечатление, что они общаются на одной волне, понимая друг друга с полуслова. Совсем как с отцом, – с тоской подумала я. Но предаваться долго ностальгии мне не дали, дракон плавно принял своё обычное положение и только тогда я смогла полностью осознать факт, что мы достигли наконец-то земли, развернуться и немного расслабиться.

– Жаль, что мы так быстро спустились, – промелькнула грустинка в голосе сына.

– Ничего себе быстро! Без малого четыре часа шли, причём совсем не медленно, – возразил Дехасс.

– Я бы уже от привала не отказалась, – после долгого молчания подала я голос, – а то место, на котором сидят, у меня совсем деревянное.

– В такие минуты осознаёшь плюс в том, что я это место давно не чувствую – хохотнул Славик.

– Потерпите немного, нам нужно вернуться к ручью с живой водой в приграничную зону. Там уже можно будет спокойно отдохнуть и справить все свои потребности без опасения.

– Лично я в этом прекрасном саду никакой опасности не чувствую, даже наоборот, тут хорошо и спокойно, – не согласилась я с мнением дракона.

– Всему своё время, – глубокомысленно изрёк дракон, ме-

няя направление на юго-восток.

Дехас сдержал своё обещание, буквально через минут двадцать мы уже продирались через затемнённые заросли, казавшиеся, после идеального сада Творца неправильными.

Пока мы с сыном использовали ближайшие кустики не совсем по назначению, дракон успел соорудить костёр, с весело потрескивающим хворостом и бросающим в быстро потемневшее небо снопы ярких искр.

Расположившись у источника тепла и света мы со Славиком приговорили остатки курицы, пришедшейся как нельзя лучше. Кустов с жимолостью или другой ягодой поблизости в этот раз не оказалось, зато под рукой всегда была свежая, восстанавливающая силы вода.

Дехас ужинать не стал, сказал, что он питается раз в сутки и сейчас ещё сыт. Наверно, хорошо иметь такой медленный обмен веществ, с некоторой завистью подумала я, иногда напрыгает так сильно зависеть от еды.

После ужина я помогла дракону смочить живой водой заживающие раны и остатки крыльев. В благодарность он меня потом высушил и согрел своим горячим дыханием.

Засыпали мы так же, как и в прошлую ночь – под горячим боком Дехаса. В этот раз он словно большой кот свернулся полукольцом, положив свою большую голову на траву рядом со мной.

Поглаживая гладкую и тёплую чешую на морде дракона, я постепенно уснула, Дехас похоже получал от моих прикос-

новений удовольствие, Славик уснул почти сразу, всё-таки детскому организму ещё сложно справиться с такой огромной массой впечатлений.

Хорошо, тепло, только жалко, что не дома...

Глава 9

Просыпалась я постепенно, сегодня мне приснился хороший, добрый сон, из объятий которого мне совершенно не хотелось уходить. Но доносившийся, будто издалека голос сына повторяющий:

– Мам... Мам..., – настойчиво возвращал меня к нежеланной реальности он.

– М-м-м-м-м, – промычала я, давая тем самым себе несколько секунд окончательно вырваться из сна.

Открыв глаза, я увидела над собой обеспокоенное лицо Славика, его острые серые глаза глядели внимательно и строго.

– Что случилось? – ничего не понимая спросила я, приподнимаясь на локтях и наскоро обводя взглядом окружающее пространство.

– Почему ты так долго не откликнулась?

– Не знаю, наверно крепко уснула. Мне впервые за долгое время приснился приятный сон.

– Я испугался, – признался сын.

– Испугался чего? – мои руки сами потянулись к светлой головке Славика, притягивая её к своей груди.

– Что... что ты как бабушка..., – трудно сглотнув, сказал он.

– Ну чего ты говоришь!? – наконец поняла я всю трагичность положения, – я здоровая, вполне ещё молодая женщина и тебя не оставлю! Не нужно бояться, если я сразу не отзываюсь, в этом мире такой свежий и пьянящий воздух, что спиться на редкость крепко и долго. Я же тебе обещала, что всё будет хорошо, значит, именно так всё и будет!

– Я знаю, – как-то обречённо отозвался сын.

– А раз знаешь, то нечего и переживать! Где, кстати говоря, Дехас?

– Он отправился добывать пропитание, курицу ведь мы вчера доели.

– Курицу-то да..., доели. Только сколько мороки с ней было! Я даже растерялась, когда наш общий знакомый отдал её мне на разделывание. Я же куриц видела либо живых, либо уже освежёванных в магазине. Представляешь, за всю свою долгую жизнь ни разу не задумывалась о промежуточном процессе. Может быть мне так легче было не жалеть живых существ, а может, находились занятия поинтереснее, например, тебя вот рожать, – весело проговорила я, отодвинув от себя голову Славика и заглядывая в серые омуты его красивых, отцовских глаз.

– Я видел, какие круглые и полные паники были твои глаза. Я думал, ты эту курицу кинешь прямо в него, чтобы не предлагал такое недостойное занятие, как потрошение, – усмехнулся своим воспоминаниям сын.

– Хорошо вот так просто сидеть и после вспоминать, все

события смотрятся по-другому, из них стирается всё плохое и ненужное, остаётся только смешное и приятное, – проговорила я, глядя на бегущий по камням ручей.

– А с папой так же? – тихонько спросил Славик.

– И с папой так же. В нашей жизни бывало всё: и размолвки, и обиды и даже ссоры, но сейчас я ничего этого не помню, всё плохое поблёкло, стало незначительным и мелким. Зато все самые приятные моменты засияли новыми красками и впечатлениями.

– Но ты же всегда и всем говорила, что вы с папой жили душа в душу и никогда не ссорились, – припомнил мне мои же слова сын.

– Мне уже и самой так кажется, – задумчиво проговорила я, – а то, что мы иногда ссорились другим знать не обязательно.

– Но почему? – не понимал Славик моих слов.

– Всё что происходит внутри семьи другим знать не нужно, это только наши дела. Неважно как мы общаемся между собой, для других у нас в семье будет всегда всё хорошо.

– Но это же обман!

– Нет, дорогой, это не обман, это всего лишь недомолвки.

– Ты же меня всегда учила, что нужно говорить правду!

– Я и сейчас не отказываюсь от своих слов. Нужно в семье друг другу всегда говорить правду.

– А другим?

– И другим по возможности тоже, но, понимаешь, сынок,

случаются такие ситуации, когда говоря правду можно сильно ранить или обидеть человека. Тогда разумнее будет промолчать и не говорить правды. Но иногда случается такое, что горькую правду сказать бывает просто необходимо, хоть это точно расстроит.

– Я всё равно не понимаю, почему нельзя всегда следовать одному правилу, зачем такие сложности?

– Ты ещё слишком мал, чтобы понять все тонкости и сложности человеческой жизни. Но не переживай, со временем ты во всём разберёшься, рано тебе забивать подобными вещами голову.

– Я не маленький! – возмутился сын, – я уже большой!

– Конечно, большой, – я ласково потрепала сына по голове, – самый большой и самый важный в моей жизни. Пойдём лучше умываться, а то скоро вернётся наш охотник с очередной неожиданной добычей.

– На этот раз он, думаю, принесёт нам поросёнка, раз курица так быстро закончилась, – радостно проговорил Славик.

Всё может быть! – ответила сыну я, раскладывая его коляску, что лежала тут же неподалёку.

Сквозь пелену облаков не проникали яркие лучи солнца, оно само виднелось в небе как большой жёлтый блин в чуть светящемся ореоле. На него можно было спокойно смотреть, не боясь ослепнуть или обжечь глаза. Я быстро привыкла к журчанию волшебного ручейка, оно мне казалось уже чем-

то необходимым и неотъемлемым от местной природы. Всё-таки приграничная зона своей обстановкой гораздо ближе к нашей российской природе. Только от этого понимания как-то не легче. Я не лесной человек, мне сложно приспособиться к такой дикой жизни, где даже справиться нужду большой стресс. Мне ради сына приходится молча справляться, не расстраивать же его такими мелочами, как ни как, а Славику в такой обстановке гораздо тяжелее, чем мне.

А там, чуть в стороне, уже виднелся сад Творца, он манил своей изысканной тонкой красотой и ярким новым днём. Только от этой красоты веяло ненатуральностью, будто смотришь на цветок, он тебе нравится, а когда наклоняешься вдохнуть его аромат, понимаешь, что он не настоящий, от него пахнет клеем и бумагой. Так и от этого сада, нет, не пахнет бумагой и клеем, но складывается похожее впечатление.

Дехас своё появление охарактеризовал привычным треском ломаемых кустов, он видимо в очередной раз забыл, что можно обходить деревья и не обязательно их ломать. В последнее время меня стало напрягать, когда наносился вред природе, тем более бессмысленный, как сейчас.

Дехас шёл гордо, высоко подняв голову как настоящий добытчик, на своих плечах несущий заботу о многочисленном семействе. Его изумрудно-золотой хвост ходил из стороны в сторону, ещё больше увеличивая разрушения вокруг своей огромной персоны.

– Ну, как фы тут? – спросил дракон, подобрившись к на-

шему насиженному месту у ручья.

– Чего-чего? – прикинулась непонимающей я, украдкой подмигнув Славику.

– Тьфу на вас! – явственно выругался Дехас, положив на траву кусок мяса, – как у вас дела я спросил!

– Так дела хорошо, сидим вот, тебя поджидаем, кушать ужасно хочется, а тебя всё нет и нет.

– Повозиться малость пришлось, – немного замялся дракон.

– А вообще что это? – спросил Славик, принюхиваясь, – пахнет вкусно, но где тут голова, где лапы не поймёшь.

– Это корова была, хозяйева уж очень отдавать её не хотели, пришлось настаивать.

– Ты что?! Их убил? – побледнела от ужаса я.

– Да нет, зачем? – удивился Дехас, – так, отогнал в сторону только. Я изверг, что ли просто так убивать?

– Слава Богу! – выдохнула я, – но они тебя заметили! Не боишься, что охота возобновится?!

– Да не особо, сюда они не сунутся.

– А как же маги? Ведь они и сюда преспокойненько доберутся.

– В целях, так сказать, безопасности советую вам поторопиться с завтраком и поскорее отправляться в путь. Я и так избавил вас от массы дел, принёс уже приготовленный кусок мяса, а никто даже не оценил, – надулся дракон.

Даром что дракон, ведёт себя в точности как среднестати-

стический мужик, – подумала я, – а мужикам что надо? правильно, чтобы их ценили, любили и хвалили даже за самое незначительное действие.

– Конечно, оценили! Я так буквально счастлива, что ты меня избавил от зрелища убиенного животного. Мне гораздо легче и приятнее вот так, как в магазине, не зная, откуда это мясо взялось и кем раньше было, – сказала я дракону, привычным движением поглаживая его большую морду.

– Тогда ладно, – заурчал расслабленный дракон.

Славик же, глядя на эту сцену, только поцокал языком и сморщившись, отвернулся, не любил он подобные нежности, а я ничего зазорного в этом не находила.

Неясная тревога не давала мне расслабиться так же, как дракон, мне всё время казалось, что за соседними кустами притаились халты с копьями, а их маги готовят страшные чёрные ритуалы против Дехаса и соответственно нас. Эти фантазии заставляли меня не замечать, что мясо в очередной раз не солёное, я глотала его почти не жуя, спасало только то, что корова была молодая, и дракон великолепно умел готовить мясо, у него сама по себе жёсткая говядина стала в разы мягче и нежнее. Славiku, казалось, отсутствие соли не мешало, он вообще у меня любитель мяса, если есть на столе мясо, то он предпочтёт есть только его.

– Все готовы? – примерно через час спросил дракон, выныривая из ручья, где он изволил лежать, пока мы ели.

– Да, через минут пять можно выезжать, – ответила я, яв-

ственно ощутив как мышцы спины и чуть пониже несогласно заныли.

Уже сидя на спине Дехаса я ещё раз внимательно оглядела попадающие в поле зрения заросли и, не заметив там ничего подозрительного, немного успокоилась. Дракон ступал аккуратно, но явно торопился, видимо, моя тревожность заразна или же он мне не всё сказал? Вполне могло быть и так. Ехать молча было скучно, и я завела беседу.

– Дехас, а как живут халты?

– Как как, как все живут: едят, спят и дышат, – ответил дракон.

Славик хихикнул, а я принялась пояснять, что на самом деле имела в виду. Ведь такие простые истины меня совсем не интересовали.

– Я хотела узнать, каким образом они живут, есть ли у них города, короли, ну и подобное.

– Если в этом смысле, то у них есть и города и деревни, и король имеется на престоле.

– Видимо этот король плохо правит, – озвучила свои мысли я.

– С чего ты это взяла?

– Если жители королевства так плохо живут, что гоняются за частями дракона, то какие выводы я могу ещё делать?!

– Например, что этим, как ты говоришь, жителям, совершенно не хватает остроты ощущений, вот они и лезут на рожон.

– Да не могут разумные люди просто так, ради острых ощущений подвергать свою жизнь реальной опасности, – не особо поверила я.

– Могут – могут, ты просто их плохо знаешь, на самом деле они мало похожи на разумных людей, – даже прихрюкнул от удовольствия, дракон.

– А на кого тогда похожи? – спросил сын, – на обезьян что ли?

– Почему сразу на обезьян? – не проникся дракон.

– Не знаю, – пожал плечами Славик, – фильм просто видел про планету обезьян, вот и запомнилось.

– Ну, фильм то это да..., – многозначительно протянул Дехас, будто понял, о чём шла речь.

– Как я понимаю, живут они в домах? – продолжила допрос я.

– Конечно, не в полях же им жить, да и на деревьях совсем неудобно без крыльев будет.

– Дехас! – недовольно воскликнула я.

– Что такое?! – недоумевая, ответил он.

– Ты нормально рассказать можешь?

– Я и так нормально рассказываю, – включил дурачка он.

Славик тихонько потешался над нами, но в разговор не вмешивался.

– Ты сам себя слышишь?

– Да вроде не глухой, – дракон демонстративно потряс своей головой.

– Значит, тогда издеваешься? – начала раздражаться я.

– Нет, шучу просто, – весело ответил Дехас.

– Тебе разве никто не говорил, что шуточки у тебя совершенно не смешные, а совсем даже наоборот?

– Говорили, – с тяжёлым вздохом как-то разом погрузнев, ответил он.

– Может ты всё-таки расскажешь нам побольше об этом мире? – не стала я допытываться до такой реакции дракона.

– Попробую.

Мы со Славиком приготовились слушать экскурс в историю, не то чтобы мы были особыми любителями истории, но когда находишься в неизвестном месте, каждая крупница информации бывает дорога.

Сегодня я заметила, что кости, выходящие из спины дракона и служащие ему основаниями крыльев стали выглядеть гораздо лучше, они обросли сверху ещё тонкой, но уже с небольшими чешуйками кожей, да и сами будто со вчерашнего дня стали длиннее.

– Как я говорил, у халтов есть свой король и свои города, помимо этого всего есть ремесленники и пахари. Пахари занимаются выращиванием овощей и хлеба, а ремесленники обеспечивают халтов всем для этого необходимым. Живут они в принципе не плохо, король хоть и слывёт любителем развлечений, но особо на подданных не насаждает, занимается больше собой и в государственные дела не вмешивается.

– Тогда кто же управляет государством?

– Там хватает желающих, – усмехнулся дракон, – у короля Тионара V полно советников, заместителей и прочих приближенных к власти персон, которые с удовольствием занимаются государственными вопросами, подсовывая ему на подпись необходимые указы.

– Хорошо устроились, – сказала я без тени зависти.

– Ага, – отозвался дракон, особенно первый советник – властитель теней и мастер иллюзий – так он сам себя называет и требует от других того же. Среди халтов бытует мнение, что он часто превращается в чёрного ворона, и летает по городам и сёлам, подслушивая, о чём судачат местные жители. А потом халты начинают без вести пропадать, если чего не того сболтнули. Это всё, говорят, его рук дело.

– Наверняка онprinеприятнейший тип, раз о нём ходит столько выдумок и небылиц, – сказала я, а у самой мороз побежал по коже.

– О нет, я склонен со всей серьёзностью отнестись к подобному рода сведениям. Магистр Денрок не любит шутить, да и сильный он маг от рождения, наверняка с последней нашей встречи поднаторел в своём тёмном деле.

– Так вы с ним ещё и знакомы? – удивилась я.

– Не совсем, лично нас никто не представлял, но когда Денрок проходил обучение в поднебесном городе драко Са-Ане я часто следил за ним.

– Но как он оказался в вашем закрытом городе, ведь ты утверждал, что туда никак не попасть простым смертным.

– Он не простой смертный, он сумел доказать нашему правителю, что достоин обучения в самом нашем городе. Если ты хочешь спросить, чем он заслужил – не скажу. Даже не из вредности, а потому что сам не знаю.

– Тогда почему ты за ним следил, если сам правитель привёл его в город?

– Не нравился он мне, подозрительный какой-то, да и дар его тёмный даже для нас оказался непонятным и несколько пугающим.

– А я играл темным магом! Ух, какая у него мощная сила, он на порядок сильнее был любых других персонажей, – вмешался Славик.

– В том то и дело, что сила подобного уровня настораживает.

– Так он же вроде мирно, ну или почти мирно сидит у престола в государстве халтов и к драко свою силу не применяет, тогда и бояться нечего, – высказалась я.

– Эх, не смотришь ты далеко, Таяна. Если магистр Денрок сидит, как ты говоришь, мирно, совсем не значит, что в это время он ничего не замышляет.

– И то верно, – согласилась я, как думаешь, он на самом деле может вороном оборачиваться?

– Может, ещё как может, процессом трансформации овладевают на последних курсах академии, только маги стараются эти умения не афишировать, мало ли когда пригодятся.

– Тем не менее, слухи-то успевают просачиваться, не на

пустом же месте они возникают.

– Знамо дело не на пустом, на пустом месте только трава растёт, а для слухов почва должна быть рыхлая и благодатная.

– Ну, хорошо, почему тогда этот ваш Денрок не свергнет с престола короля и не займёт его место?

– Хм, – хмыкнул Дехас, – а зачем ему это? Он и так считай, правит всем государством. А за спиной короля гораздо удобнее проводить свои делишки, чем на виду у всех. Так сказать у магистра в тени короля более развязаны руки, сам же король это так, пешка, удобная ширма или прикрытые для тёмных дел.

– И что этот магистр там один единственный кто правит всем? А остальные советники как же? Получается, что они нужны чисто для красоты?

– Не совсем один, у него есть давний соперник и по совместительству сильный враг, у них с магистром Вальгусом идёт давнее и открытое противостояние, можно сказать, что только благодаря этому Денрок ещё полностью не подмял под себя государство и не сделал из него Царство теней.

– Что такое «Царство Теней»?

– Это я так назвал мир, в который превратится всё кругом, если Денрок захочет всевластия.

– Понятно, расскажи тогда про магистра Вальгуса. Кто он таков и чем примечателен, а главное что они не поделили с Денроком.

– Примечателен он своим противоположным даром и такой же значительной силой. Если Денрок насквозь тёмный и пропитанный негативом маг, то Вальгус магистр света и целитель.

– Тогда понятно, – перебила я дракона, – чёрное и белое, свет и тьма – это вечные враги и противоположности, можно дальше и не рассказывать, почему они терпеть друг друга не могут. Всё и так предельно ясно, эта история стара как мир.

– Таяна! Почему ты всегда торопишься? Я не сомневаюсь в твоих умственных способностях, не нужно мне это каждый раз доказывать, – назидательно сказал дракон.

Я надулась. Не любила я критику в свой адрес, мне всегда казалось, что я всё делаю и говорю только правильно, а тут прямо носом тыкают.

– На самом деле причина их неприязни кроется в другом, хотя причина тоже старая и избитая – они однажды не поделили женщину. Поговаривают, что ни один из них особо не был в неё влюблён, но добиться любви и внимания этой магии для них, тем не менее, стало очень важным в жизни. В ход обольстителей шло всё, начиная от их магических даров и заканчивая простыми и обычными халтовскими методами. Но магия была далеко не простушкой, ей понадобилось немного времени, чтобы раскусить этих двоих, вдруг резко и одновременно начавших за ней ухаживать магов. Возможно она и была к кому-то из них более благосклонна – история об этом умалчивает, но она таки смогла окончательно столк-

нуть их лбами оставшись при этом не только в стороне, но и как бы совсем не причём. Та магиня давно уже вышла замуж и завела детей, а вот всем известные магистры помириться так не сумели или же не захотели этого делать.

Дракон замолчал, а я не удержалась сказав:

– Оказывается, во всём виновата женщина.

– Зачастую так и бывает, самая слабая сторона у всех мужчин – это женщина, не могут они противостоять её обольстительным чарам.

– А вы, драко, можете противостоять?

– И мы не можем, но только перед одной единственной предназначенной нам судьбой, а остальные на нас просто повлиять никак не могут.

– А ты уже нашёл свою единственную и неповторимую драко? – спросила я, в последний момент, чуть не сказав вместо драко «драконицу».

– Нет, – ответил Дехас, – я ещё особо не искал, ведь как найдёшь себе спутницу, так и будешь привязан к ней и к гнезду по лапам и хвосту, а я ещё не нагулялся, не надышался свободой и ветром странствий, бьющим прямо в морду.

– Ну да, ну да, – понимающе хмыкнула я, приравнивая дракона к давно мне известной категории мужчин, любящих в жизни больше всего только себя.

– Из твоих уст подобные слова звучат как-то снисходительно, – не мог не отреагировать дракон.

– Не бери в голову, – отмахнулась я, не хотелось мне раз-

говаривать на такую тему.

– Я уже хочу пить и есть! – подал голос, почти постоянно молчавший Славик.

– Как? Уже? – возмутился Дехас, – прошло то всего часа четыре после вашего завтрака.

– Растущий организм, что поделаешь, – развела руками я, – и знаешь, открою тебе небольшую тайну – мы, люди, едим несколько раз в день, в отличие от вас, питающихся раз в сутки.

– Да я как бы в курсе, только не думал, что питаться вам нужно настолько часто.

– А говоришь, что хорошо знаешь халтов, получается, что не совсем, или совсем не знаешь, – поддела Дехаса я.

Только дракон и не подумал обижаться, он резво свернул в приграничную зону, где вскоре отыскалась возле ручья небольшая полянка, где мы смогли разместиться нашей тесной компанией.

Глава 10

В дальнейший путь мы отправились уже через полчаса, Дехас всё время торопился, и на фоне этого его странного поведения я никак не могла отделаться от ощущения, что за нами следят. Говорить о своих тревогах не стала, дракон и так меня часто высмеивает, а попробуй я сказать о том, что мне мерещится, так вообще на смех поднимет. Я сама никак не могла понять, почему мне кажется, что я чувствую в этой приграничной зоне каждую травинку, каждый листик и каждую веточку, будто имею с ними какую-то мысленную связь. Эти чувства новы и необычны для меня, но в то же время ощущаются правильными, будто я до этого жила, дыша не полной грудью, понимала не всю полноту знаний, и особенно ощущений.

Я встряхнула головой, отгоняя нахлынувшие эмоции и чужеродные мысли, Дехас наверняка лучше контролирует ситуацию. Из меня хорошего детектива не выйдет, уж слишком сильно я полагаюсь на интуицию, а в детективном деле главное – точность и факты, с которыми у меня некоторое затруднение.

Славик с огромным воодушевлением принимал наше путешествие, для него всё было удивительным, восхитительным и необычным. Он находил для себя даже в однообраз-

ном идеальном окружающем виде что-то интересное и вдохновляющее. Я была рада, в этом месте мой ребёнок буквально расцвёл, преобразился и будто снова окунулся в детство. В то детство, где не было ещё проблем со здоровьем и семейных трагедий.

– А драко с самого рождения умеют летать? – вырвал меня из задумчивого молчания вопрос сына.

– Нет, когда драко вылупляется из яйца, его крылья ещё не полностью сформированы, почти как у бабочки. Только последние могут летать уже через пару-тройку часов, а маленькому драко своего первого полёта приходится ждать около трёх лет. Всё это время о нём заботятся родители, по очереди охотясь. Надо сказать, что маленькие драко очень прожорливы, почти так же как вы, люди. Но едят не в пример больше, всё-таки трёхлетний драко уже в три раза превышает свои размеры при вылуплении, – с удовольствием рассказывал Дехас.

– И что они целых три года только едят и всё? Это же скучно! – продолжил спрашивать Славик.

– С чего ты так решил? Наши маленькие драко непоседы, они целыми днями резвятся и играют, для них даже специально создали детские сады, чтобы они всегда были под присмотром и ничего не натворили, пока родителей нет рядом, ведь они ещё и своим магическим даром учатся пользоваться.

– Тогда представляю, какое веселье в этом детском саду

было, наверное, они и воспитателей поджаривали не один раз на дню, – восторженно воскликнул Славик.

– И такое пытались проделать эти маленькие негодники, но все смотрители опытные и зрелые драконы, их трудно заставить врасплох. Но думаю, что им иногда доставалось, только об этом они никому и никогда не скажут, чтобы не уронить собственное достоинство в глазах других, – с тихим смешком произнёс наш дракон.

– Жаль, что когда я ходил в детский садик, у меня не было магии, вот тогда было всем значительно веселее, – с тоскливой ноткой в голосе сказал Славик.

– Я не думаю, что Марии Ивановне было бы веселее, она и так с трудом терпела выходки вашей неразлучной троицы, – припомнила я.

– Да, как мне не хватает Серёги и Лизы, Лиза хоть внешне девчонка, но всегда вела себя как настоящий пацан! Мне не хватает тех весёлых и беззаботных времён, – совсем загрустил сын.

– О прошлом, малец, жалеть никогда не стоит, – заговорил Дехас, – вспоминать нужно, но без жалости и грусти. То, что было, то уже прошло, но это не значит, что в твоей жизни ничего больше хорошего не будет. Помни: самое лучшее всегда впереди, а оглядываясь и цепляясь за прошлое, ты можешь упустить своё будущее.

– Дехас прав, у тебя жизнь только в самом начале пути, ты ещё многого в своей жизни не видел и многое не прочув-

ствовал, тебе пока нечего сравнивать и тем более грустить по детскому саду, когда ты был маленьким и многое не понимал.

– Вам хорошо говорить, вы всю свою жизнь ходите на собственных ногах, а для меня моя короткая жизнь уже разделась на: до и после. Это у меня никогда не будет танцев, велосипеда и даже жены и детей. И после этого вы меня будете учить о чём стоит грустить, а о чём нет!? – на последних словах буквально взорвался Славик.

– Кое в чём, сынок, ты прав. Я всегда имел возможность ходить, но вот летать не всегда, например, сейчас, вынужден ходить, когда меня так тянет в небо. Для меня возможность летать важнее, чем ходить, но тебе не понять, ты ни разу в силу физических возможностей не летал так, как мог делать это я. Но ничего! Вот отрастут у меня крылья, и мы обязательно с тобой отправимся покорять синее небо!

– Правда? – радостно воскликнул Славик, – ты обещаешь, что возьмёшь меня с собой полетать?

– Конечно, драко не бросают слов на ветер, если я пообещал что-то, то непременно это исполню, – со всей серьёзностью заявил дракон.

– Мама, Мама! Ты слышала?! Я буду летать! Ты же помнишь, я всегда мечтал быть лётчиком, а теперь это станет возможным.

– Я слышала всё, до самого последнего слова, – вкрадчиво произнесла я, – а в детстве половина детей в вашей груп-

не мечтали стать лётчиками и космонавтами, я думала, став взрослее ты забросил эту идею, особенно когда вместе с бабушкой часами вязал на спицах или крючком.

– Нет, мама, я не забывал никогда о небе, только авария сделала невозможным осуществление моей мечты, ведь лётчиков инвалидов не бывает. А бабушка хоть так находила мне занятие, она всегда говорила, что руки развивать полезно для мозга. И мне со временем понравилось. Пусть я не мог ходить, но зато руками мог творить красивейшие вещи, радовавшие взгляд и сердце.

– У тебя действительно получались самые красивые узоры на салфетках. А шарфы были вывязаны так аккуратно, что их не отличить от машинной вязки, – попыталась я успокоить сына.

– Так ты ещё и талант! – радостно провозгласил дракон, – я счастлив вдвойне познакомиться с таким талантливым и сильным мальцом!

– Ты надо мной смеёшься? – спросил Славик, – во мне силы не больше, чем в курице!

– Ты ошибаешься, маленький друг, я говорю не о физической силе, а о внутренней, её ещё называют силой духа. Вот её-то в тебе столько, что на пару драко точно хватит.

– Откуда ты знаешь? – не поверил сын.

– Я чувствую тебя. Чувствую Таяну. Клятва, что я дал твоей матери, связала нас друг с другом. Поэтому я могу с полной уверенностью сказать, что у тебя огромное доброе серд-

це, а помыслы всегда чистые и светлые. Вот у Таяны сердце болит очень давно, оно устало и даже постарело раньше времени, я бы сказал, что она живет лишь на одной силе воли. Но ничего, я ей помогу, я уже постепенно подпитываю светлой энергией её измученную душу, и она постепенно вернётся к жизни, постепенно начнёт снова жить, а не существовать. Я не спрашиваю, что такого страшного произошло у неё, что она разлюбила жизнь. Однако наверняка знаю одно – это что-то было слишком тяжёлым и невыносимым для Таяны.

Я не знала, что на это ответить, ни опровергнуть, ни подтвердить слова дракона сил у меня не было. Он очень чётко и точно описал всё то, что последние три года хранилось в моём сердце. Он правильно сказал про Славика, мой удивительный мальчик не озлобился на мир из-за своего недуга, он сумел пронести свою доброту сквозь все тяготы длительного лечения и реабилитации.

Мы все надолго замолчали. Мимо нас проходили степенные старые и могучие дубы, многочисленные цветы, по-прежнему сливавшиеся в красивый бесконечный узор, будто по мановению кисти талантливого художника. Разноцветные бабочки трепетали над цветами, придавая им ещё больше яркости и привлекательности. Сочная зелень радовала взгляд и, наверное, радовала лапы дракона своей мягкостью и шелковистостью.

Совсем незаметно подкрался вечер, привалов мы больше

не делали. Дракон заторопился, а наши мысли были только о том, как бы не свалиться с быстро мчавшегося коня на всём его ходу. Попу я уже давно отбила, может это и к лучшему, она теперь стала нечувствительной к тряске и подпрыгиваниям, что сопровождали всю нашу бешенную скачку. Лишь потом, когда мы уютно расположились у ночного костра я спросила Дехаса к чему была вся эта бешенная скачка.

– Мы были рядом с довольно крупным городом халтов, мне совершенно не хотелось оставаться на ночлег рядом с ним, а то вполне вероятно, что какой-нибудь маг, отправившись за очередной порцией живой воды, наткнулся бы на нашу тесную компанию. Сам по себе маг мне не страшен, но он может уйти незамеченным и натравить на охоту весь город, а вот это уже довольно таки нежелательное событие, особенно в свете отсутствия у меня крыльев, – ответил дракон.

– Сейчас мы в безопасности? – спросила я, опасливо окидывая взглядом темноту, что плотно подступала к кругу света, что отбрасывал равнодушно потрескивающий костёр.

– Мы спустились ниже по течению нашего ручья и реки халтов Рены. Если мне не изменяет память, то в этом районе стоит небольшая деревушка пахарей Лерна, но её не стоит опасаться, там отродясь не было магов, уж слишком она мала и неказиста – всего один захудалый постоялый двор, бывающий зачастую совсем пустым. Основной тракт, ведущий в столицу халтов Иеруллем, проходит южнее, он идёт через все крупные города долины Рены, а деревушка Лерна стоит

от тракта в стороне, вот и попадают в неё только те путники, что заблудились на ночной дороге и на перекрёстке свернули не в ту сторону.

– Это несколько утешает, но у меня с самого утра закралось подозрение, что ты от нас что-то скрываешь, и это что-то довольно таки важное, раз сильно изменило твоё поведение. Сейчас Славик спит, и я хотела бы услышать, что случилось на утренней охоте, – я пристально посмотрела на Дехаса, который не выдержал моего взгляда и отвёл глаза.

Он шумно вздохнул, лёг на живот и сказал:

– Я действительно с утра не всё рассказал, не хотел вас лишний раз волновать, но видимо придётся. Утром меня заметил маг, я был осторожен, на охоту пошёл к маленькой деревне, в таких деревнях не держат магов, это слишком дорого, да и большой необходимости в этом нет. Но в этой деревне оказался маг. По нему было видно, что он не местный, одет иначе, да и слой пыли на камзоле о многом говорил. Я схватил молодую корову и убежал. А маг не бросился меня догонять, только смотрел вслед сквозь тонкие щёлки прищуренных глаз, и этот взгляд мне не понравился, слишком уж он смахивал на профессионального ловца драко. А эти ребята будут в сто раз серьёзнее, чем простые любители быстро заработать.

– Теперь ты опасаясь, что если маг действительно окажется профессионалом, то сможет легко выйти на твой, а, следовательно, и на наш след? – спросила я, хотя в душе уже

знала ответ на свой вопрос.

– Да, это так, но я постарался как можно тщательнее замести свои следы, это очень сложно сделать, когда у тебя нет крыльев, – подавлено, проговорил дракон, подкинув в костёр несколько веток прямо зубами.

– Лафа закончилась, – констатировала я, – придётся быть очень внимательными и осторожными. Что-то мне подсказывает, что если схватят тебя, то нам с сыном несдобровать в этом мире в одиночку.

– Вы очень похожи на халтов, вполне возможно, что сможете прикинуться своими и устроиться жить в каком-нибудь городишке.

– Нет, такой расклад меня не устраивает, я чётко определила цель, нам нужно попасть к твоему правителю. Надежда только на него, он один во всём этом мире сможет рассказать почему и зачем мы тут появились. А ещё я очень верю, что он найдёт способ отправить нас домой, на Землю.

– Наш правитель многое может, и многое знает, – протянул дракон, – добраться бы нам до него живыми и невредимыми.

– Всё это в наших руках, по крайней мере, я буду очень стараться. И да, не говори ничего Славику, не нужно его волновать, нас двоих вполне достаточно, – добавила я.

Дехас согласно кивнул и спустя пару мгновений сказал:

– После разговора с тобой мне стало легче. Приятно разделить тяжесть бремени и груз проблем ещё с кем-то, кто

понимает. Одному сложно нести всю ответственность за несколько жизней.

– Ты к этому не привык, у тебя нет детей, поэтому всё кажется сложным и тяжёлым. Вот я давно привыкла к колоссальной ответственности, что грузом свалилась на мои плечи, когда я впервые взяла на руки сына. Но в тот момент она меня не слишком напрягала, всю ответственность мы делили на двоих с мужем, и я почти не ощущала её гнёта. Гораздо хуже стало после гибели мужа, именно тогда я в полной мере ощутила всю тяжесть ноши и одиночества. В один короткий миг я осталась одна: подавленная, разрушенная и почти убитая на этой земле. Вернуться к существованию мне помог сын. Если бы у меня не было его, то уже давно не было бы и меня самой. С тех самых пор и по сегодняшний день сын является моим светом в конце тоннеля, моим смыслом жизни и моим сердцем...

Я замолчала, осознав, что слишком много сказала, слишком близко подпустила этого мало знакомого дракона в свою душу, открыла то, что не знали даже самые близкие люди.

– Нельзя так, – чуть помолчав, тихо сказал дракон, – жизнь детей не принадлежит нам всецело. Ни в коем случае в заботе о них нельзя забывать о себе, о своих потребностях, желаниях и о своём счастье. Я знаю, что можно долгое время жить как вурдалак приклеившись к своему ребёнку и только через него получать эмоции. Но это не правильно, нужно жить своими эмоциями, своими чувствами и дать спокойно

жить своим детям. Ведь наступит момент, когда нужно будет отпустить от себя сына, дать ему возможность создать свою семью и завести детей. Что тогда будешь делать ты, Таяна?

– Тогда я смогу спокойно уйти к мужу, – с улыбкой на лице произнесла я.

Я ведь и сама не раз задумывалась над тем моментом, когда перестану быть нужна своему сыну и стану свободна от бесконечных забот.

– Ну и дура! – резко сказал дракон и отвернулся.

– Почему же я дура? – встрепенулась от таких обидных слов я.

Дехас некоторое время колебался, раздумывая поворачиваться ко мне обратно и продолжать разговор или нет, но желание закончить разговор пересилило и он, повернув ко мне голову сказал:

– Не верю, что твой муж бы этого хотел.

– Почему? Ведь он меня очень любил, так же как и я его.

– Да потому, когда попадаешь в мой, то есть я хотел сказать иной мир, начинаешь всё переосмысливать и воспринимать по-другому. А ты хочешь сама своими руками прервать свой незаконченный жизненный путь. Это глупо и недопустимо.

– А допустимо, что этот самый жизненный путь стал для меня сущим адским наказанием? – взвилась я, даже подскочив с места.

– Ш-ш-ш-ш-ш, – шикнул на меня дракон, – Славик спит,

разбудишь!

Я, взглянув, на тихо сопящего неподалёку сына, немного успокоилась и села обратно.

– Ты сама свой жизненный путь делаешь сложнее, убиваясь по тем, кто уже ушёл. Нужно находить новых людей, нужно учиться жить без усопших и, тем не менее, радоваться жизни.

– Это кощунственно! – выпалила шёпотом я, косясь на спящего Славика.

– Нет, дорогая Таяна, это жизнь во всей её красе и ужасе. Представь себе, что каждая семья бы уходила, если бы в ней кто-то умирал. Так тогда бы весь ваш народ вымер бы, это не кощунство разве?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.